Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных трудов по итогам
XX Всероссийской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов, посвященной
95-летию Саратовской государственной юридической академии
и 30-летию Института прокуратуры
(г. Саратов, 21–22 апреля 2026 г.)

Саратов
2026

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2026

ISBN 978-5-7924-2316-9

УДК 347.963(063)
ББК 67.72я43
П78

Редакционная коллегия:
С.А. Белоусов – проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор;
Н.В. Спесивов – директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент;
И.В. Швецова – доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук (отв. ред.)

П78 **Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности** : сборник научных трудов по итогам XX Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, посвященной 95-летию Саратовской государственной юридической академии и 30-летию Института прокуратуры (г. Саратов, 21–22 апреля 2026 г.) / [редкол.: С.А. Белоусов, Н.В. Спесивов, И.В. Швецова (отв. ред.)] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2026. – 1 CD-ROM. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7924-2316-9

Сборник содержит тезисы докладов участников XX Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности», организованной Институтом прокуратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Печатается в авторской редакции, согласованной с научными руководителями.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования: процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц; оперативная память RAM ОЗУ: не менее 512 Мбайт; свободное место на жестком диске (HDD): не менее 10 Мбайт; операционная система: Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM; мышь.

© Саратовская государственная юридическая академия, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ «РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ»

Герцев Н.А.
Влияние изменений антикоррупционного законодательства на организацию прокурорского надзора 7

Глухова А.А.
Расширение полномочий прокурора в сфере надзора за исполнением антикоррупционного законодательства Российской Федерации государственными служащими: проблемы контроля соответствия доходов и расходов. 11

Искендеров Э.Н.
Формы участия прокуратур субъектов Российской Федерации в правотворческой деятельности: теория и практика 14

Корнющенкова А.Г.
Прокуратура как гарант конституционного принципа единства системы публичной власти в Российской Федерации 18

Кузьмина А.А.
Особенности освобождения от уголовной ответственности и наказания участников специальной военной операции 21

Максимов В.А.
Отдельные аспекты прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод военнослужащих ЧВК и членов их семей. 24

Мафенбеер В.А.
Использование нейросетей в деятельности органов прокуратуры как фактор технологического лидерства России 29

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЕ БЕЗОПАСНОСТИ»

Антончикова В.А.
Роль правового просвещения органами прокуратуры в противодействии вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности посредством интернет-технологий. 32

Водопьянова М.К.
Прокурорский надзор за исполнением законодательства о защите персональных данных 35

Гаджиалиева Х.Ш.
Использование искусственного интеллекта и современных ИТ-решений для повышения эффективности прокурорского надзора 38

Гребнев Д.Р.
Проблемы правового регулирования киберпреступности 41

Колесникова С.Е.
Цифровой мониторинг как один из методов реализации полномочий органов прокуратуры по формированию правосознания несовершеннолетних и предупреждения преступлений террористической направленности 44

Магомедова М.М.
Правовые аспекты применения искусственного интеллекта как средства защиты прав граждан в прокурорской деятельности 48

Погодин К.С.
Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы правоприменения 50

Портнова А.В.
О необходимости прокурорского надзора за исполнением законодательства о научно-технической экспертизе и оценке цифровых инновационных проектов 53

СЕКЦИОННЫЙ ТРЕК «РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА»

Дрюпина В.Б.
Прокурорский надзор как инструмент защиты традиционных семейных ценностей в Российской Федерации 58

Иванова С.О.
Прокуратура и патриотическое воспитание: от норм права к нравственным ценностям. 61

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Бокова Е.Д.
Роль органов прокуратуры в преодолении психологических проблем правоприменения деятельности по защите прав детей-сирот, потерявших родителей в связи с военными действиями в период специальной военной операции: правовое регулирование и пути совершенствования. 63

Третьяков Е.А.
Эмоциональный интеллект следователя как инструмент повышения эффективности доказывания и соблюдения прав участников процесса 66

Шепилова М.В.
Психологические детерминанты профессиональной этики в системе органов прокуратуры российской федерации: проблемы регуляции и профилактика деформаций. 69

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Бегиев А.Э.
Баланс интересов личности и государства при некоторых компромиссных способах (основаниях) прекращения уголовных дел 73

Газимагомедова П.Г.
Роль прокурора в деятельности по противодействию преступности: уголовно-процессуальные аспекты 77

Гребенюк А.Е., Степанец А.П.
Вопросы применения нетрадиционных криминалистических методов и приемов при проведении допроса 80

Коноплева Е.О.
Конфликт надзорной и обвинительной функций в деятельности современного прокурора: уголовно-процессуальные ограничения и криминалистические средства их преодоления. 83

Сайфутдинова Л.М.
Надзор прокурора за соблюдением прав личности при избрании меры пресечения: проблемы обоснования ходатайств 86

Сефербеков М.А.
Координация деятельности прокуратуры и следствия по борьбе с преступностью и повышение эффективности их взаимодействия 92
Суетнов Г.А.
Дистанционные следственные действия: правовое регулирование, перспективы и процессуальные риски. 95
Яровенко А.С.
О некоторых проблемах участия прокурора в реализации права на реабилитацию в уголовном процессе 98

ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ «РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ»

Герцев Никита Александрович
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «СГЮА», д.ю.н., доцент *С.Ю. Бытко*

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Коррупция делает невозможным устойчивое развитие любого государства. В Российской Федерации борьба с коррупцией, включающая комплекс мероприятий, направленный на совершенствование антикоррупционного законодательства и сокращение числа коррупционных преступлений, является одним из приоритетных направлений государственной политики. В противодействии коррупции участвуют все органы власти.

Сегодняшний этап развития государственной службы в России характеризуется повышением стандартов антикоррупционного поведения для всех служащих. В системе реализации антикоррупционных мер прокурорский надзор является ключевым элементом обеспечения законности и требует строгого соблюдения служащими всех запретов, ограничений и обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством.

В целях повышения эффективности деятельности по профилактике коррупционных правонарушений в период с 2022 по 2025 г. антикоррупционное законодательство РФ претерпело ряд изменений, направленных на повышение прозрачности деятельности государственных органов, совершенствование системы декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера служащих. В частности, Указом Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 устанавливается создание непрерывного автоматизированного информационно-аналитического контроля за соблюдением служащими установленных ограничений, запретов и требований через государственную информаци-

онную систему в области противодействия коррупции «Посейдон» (далее – система «Посейдон»)[1].

Актуальность темы обусловлена тем, что изменения антикоррупционного законодательства напрямую влияют на организацию прокурорского надзора в области противодействия коррупции. Эти изменения определяют новые направления деятельности органов прокуратуры, устанавливают новые формы реагирования на совершенные правонарушения и методы выявления коррупционных рисков в сфере государственной службы.

Усовершенствование законодательства существенно усложнило организацию прокурорского надзора, что обусловлено повышением оперативности анализа и проверок соблюдения служащими установленных антикоррупционных ограничений, запретов и требований, а также необходимостью адаптировать свои методики к новым исключениям при использовании информационно-коммуникационных технологий. Без своевременной корректировки прокурорский надзор рискует утратить свою эффективность в условиях роста организованной коррупции (в сравнении с 2024 г., в 2025 г. рост на 46,5 %)[2].

Следует указать, что в комплексе мероприятий противодействий коррупции нововведение – система «Посейдон», обеспечивающая на постоянной основе автоматизацию включения в систему информации о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера служащих, ее сбора, учета, хранения и анализа, а также ее предоставления для проверки соблюдения (несоблюдения) служащими установленных ограничений и запретов, позволяет оперативно получить доступ к содержащейся в ней информации, предоставляемой поставщиками: кредитными организациями, налоговой, Росреестром и иными организациями, автоматизируя при этом также процесс выявления несоответствий.

Система «Посейдон» была призвана повысить продуктивность мониторинга коррупции за счет перехода от периодического декларирования к проверкам в режиме реального времени. Между

[1] Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d (дата обращения: 19.03.2026).

тем в начале 2026 г. новая система создала организационные и методологические проблемы.

Так, с 1 января 2026 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 505-ФЗ о внесении в ряд законодательных актов изменений, отменяющий требования об обязательном ежегодном декларировании доходов, расходов и активов для некоторых служащих[1]. Такое освобождение некоторых служащих от обязанности декларировать доходы, расходы и имущество лишило органы прокуратуры традиционных ежегодных данных, которые они использовали для сравнения финансового положения служащих и выявления потенциальных правонарушений и коррупционных рисков.

Эффективная работа с системой «Посейдон» и другими цифровыми инструментами требует от прокурорских работников новых компетенций в области анализа больших объемов данных и IT. Поступление основного массива информации для проверок из автоматизированных систем создает проблему выявления сложных, завуалированных коррупционных схем, которые не всегда отражаются в официальных базах данных (например, получение необоснованной выгоды, использование подставных лиц). Существует риск, что без должной подготовки и методического обеспечения цифровизация контроля останется формальностью.

Для повышения эффективности прокурорского надзора предлагается комплексный подход, сочетающий технологическое развитие и оптимизацию ресурсов. Во-первых, необходимо организовать системное обучение прокуроров работе с цифровыми информационно-аналитическими системами, такими как система «Посейдон», и разработать методики по выявлению «цифровых следов» коррупции. Во-вторых, следует внедрить риск-ориентированный подход, аналогичный опыту Счетной палаты РФ. Вместо сплошных проверок рекомендуется использовать автоматизированные алгоритмы для классификации и отбора объектов надзора на основе индикаторов риска (например, наличие родственников за рубежом, частота и характер имущественных операций, объем неподтвержденных доходов). Это позволит сконцентрировать усилия на наиболее коррупционноемких сферах и категориях служащих, высвободив ресурсы

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 52, ст. 8292.

для углубленной проверки сложных случаев и выявления коррупционных рисков[1].

Переход к непрерывному цифровому контролю, запущенный изменениями в законодательстве, ставит перед прокуратурой серьезный вызов – научиться работать на опережение в новых условиях. Эффективность прокурорского надзора теперь измеряется способностью выявлять системные угрозы на ранней стадии, и именно успешное решение этой задачи позволит повысить как результативность борьбы с коррупцией, так и доверие общества.

[1] Крылова Д.В. Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия в отношении должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник КГУ. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-prokurorskogo-nadzora-za-deyatelnostyu-organov-predvaritelnogo-sledstviya-v-otnoshenii-dolzhnostnyh (дата обращения: 19.03.2026).

Глухова Александра Андреевна
(ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева»)

Научный руководитель: доцент кафедры прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева», к.ю.н. *М.В. Гадиятова*

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В СФЕРЕ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ: ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ СООТВЕТСТВИЯ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

Надзорная деятельность прокуратуры за соблюдением законодательных норм представляет собой одно из ключевых направлений работы ведомства, обладающее значительным превентивным ресурсом, оказывающее существенное воздействие на состояние законности в стране, поскольку в нем заключена основная часть профилактического потенциала прокуратуры РФ[1]. Контроль в сфере противодействия коррупции осуществляется посредством мониторинга и анализа исполнения антикоррупционного законодательства, выработки предложений по его усовершенствованию, выявления коррупционных проявлений в деятельности государственных служащих, проведения соответствующих проверок. На сегодняшний день преобладает стремление к расширительному толкованию полномочий прокуроров в сфере противодействия коррупции, поскольку конкретизированный перечень превентивных мер в этой сфере на законодательном уровне отсутствует.

В 2025 г. в приказ Генпрокуратуры России от 10 октября 2022 г. № 581 включены положения, обязывающие надзорный орган принимать меры по выявлению активов, оформленных на подконтрольных лиц, приобретенных на средства, происхождение которых не подтверждено документально, а также полученных вследствие злоупотребления служебным положением либо нарушения антикоррупционных ограничений, и устанавливать источники получения дохода от такого имущества. Однако контроль

[1] Ергашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. С. 235.

за расходами лиц, сделки которых превышают совокупный доход за три последних года, предшествующих отчетному периоду, осуществляется определяемым федеральным законом органом, вследствие чего не представляется возможным говорить о наделении прокуроров прямыми контрольными функциями в данной процедуре.

Решение о начале контроля, проведении анализа материалов, полученных при проверке расходов гражданина, занимающего одну из должностей, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ[1], а также об обращении в суд с требованием о передаче соответствующего имущества в доход государства, принимается Генеральным прокурором РФ или уполномоченными им нижестоящими прокурорами. В действующем законодательстве не установлен четкий порядок взаимодействия прокуратуры и органов, осуществляющих контроль за расходами лиц, предусмотренных Федеральным законом № 230-ФЗ. С одной стороны, органы (организации), осуществляющие контроль за расходами государственных служащих, в установленных законом случаях должны передавать органам прокуратуры материалы своих проверок для принятия мер прокурорского реагирования, в том числе обращения в суд с иском об изменении формулировки увольнения. С другой стороны, прокуратура осуществляет систематический надзор за самими органами (организациями), проводящими проверку контроля соответствия расходов доходам государственных служащих, дает оценку соблюдению установленного порядка и срока направления указанными органами материалов, а также средствами реагирования добивается принятия указанными органами (организациями) нормативных и локальных правовых актов, регламентирующих порядок и сроки представления служащими сведений о доходах, расходах, имуществе и иных обязательствах имущественного характера (пп. 2.7, 2.9 приказа Генпрокурора России № 581). Конституционный Суд РФ указал, что прокуратура вправе по итогам собственного разбирательства не соглашаться с выводами, сделанными в ходе контрольных мероприятий, следовательно, за ней сохраняется возможность формирования самостоятельной правовой оценки наличия оснований для иска и принятия решения о его направлении в суд[1].

[1] Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2012. № 50, ч. 4, ст. 6953; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8292.

Все указанное свидетельствует о наличии сложной системы взаимодействия между уполномоченными органами и прокуратурой РФ, порождает вопросы о наличии у прокуроров полномочий по проведению проверок. Отсутствие корреляции между субъектами и этапами контроля за тратами лица, относящегося к категории, обозначенной в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ, ведут к сложности толкования полномочий органов прокуратуры, вследствие чего предлагается дополнить ст. 6 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ пунктом следующего содержания:

«6. Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры, принявшие решение об осуществлении контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 Федерального закона, вправе осуществлять контроль за расходами указанных лиц, а также за расходами их супруг (супругов) и несовершеннолетних детей».

Законодательные изменения расширили инструментарий прокуроров, а правоприменительная практика демонстрирует неотвратимость наказания за коррупционные правонарушения. Пробелы в антикоррупционном законодательстве связаны с отсутствием закрепления конкретизированных полномочий органов прокуратуры, вследствие чего требуется корректировка действующих нормативных правовых актов, в том числе в части наделения прокуроров дополнительными полномочиями в данной сфере.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июля 2022 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”, пункта 5 статьи 4 Федерального закона “О личном подсобном хозяйстве” и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой» // СЗ РФ. 2022. № 28, ст. 5198.

Искендеров Элвин Нематович
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н. *Т.В. Колесникова*

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРАТУР СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Под правотворческой деятельностью прокуратуры понимаются действия работников прокуратуры, направленные на совершенствование действующего законодательства путем выявления потребностей в правовом регулировании, разработки проектов нормативных правовых актов, внесения предложений об изменении или отмене устаревших норм. Вопрос о месте правотворческой деятельности в системе функций прокуратуры остается дискуссионным. Одни исследователи рассматривают ее как дополнительную по отношению к надзорной функции, другие – как самостоятельное направление прокурорской деятельности. Представляется обоснованной позиция, согласно которой участие в правотворчестве является самостоятельной функцией прокуратуры, поскольку она имеет собственное содержание, формы реализации и правовое регулирование[1].

Правовую основу участия прокуратур субъектов РФ в правотворческой деятельности составляют нормативные акты различного уровня:

Статья 9 Федерального закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» гласит, что прокурор вправе вносить в органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[2].

Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 731 закрепляет положение, которое определяет основные направления правотворческой деятельности прокуратур: инициативная разработка проектов нормативных правовых актов; участие в подготовке законопроектов, разрабатываемых другими органами и др.[1]

На региональном уровне участие прокуратуры в правотворчестве регулируется законами и уставами субъектов РФ. Следует отметить, что право законодательной инициативы прокуроров субъектов РФ закреплено лишь в конституциях республик, тогда как в иных субъектах РФ такое право отсутствует[2].

Прокуратуры субъектов РФ участвуют в правотворческой деятельности в рамках нескольких форм, среди которых: непосредственные; экспертно-аналитические; организационно-вспомогательные. К непосредственной форме участия относится прежде всего реализация права законодательной инициативы. Участие прокуратуры в нормотворческой деятельности является важнейшим механизмом обеспечения законности и качества принимаемых актов. Статистика реализации этого права различается по субъектам РФ: наиболее активно оно используется в республиках, где прокуроры наделены соответствующими полномочиями. Так, прокуратурой Белгородской области широко используется право законодательной инициативы, направленной на защиту социальных прав граждан[3].

Экспертно-аналитическая деятельность заключается в проведении правовой и антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Первостепенными формами взаимодействия являются проведение межведомственных совещаний, семинаров по правовым вопросам, участие в заседаниях представительных и исполнительных органов при принятии закона и др. Анализ практики показывает, что наиболее типичными ошибками, выявляемыми прокурорами в проектах региональных актов, являются несоответствие федеральному законодательству, а так-

[1] Петрова Л.И., Алборова Е.Ю. Взаимодействие прокуратуры с органами местного самоуправления в сфере правотворчества // Законность. 2014. № 4. С. 22–25.

[2] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

[1] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 июля 2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СПС «Гарант».

[2] Евдокимов В.Б., Игонина Н.А. Органы конституционной юстиции и прокуратуры в обеспечении единства правового пространства России // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 17.

[3] Торговченков О.В. Реализация полномочий прокурора в нормотворческом процессе как один из наиболее эффективных способов защиты интересов граждан // Законность. 2021. № 4. С. 6.

же превышение компетенции органа, принимающего данный акт[1].

Участие представителей прокуратуры в заседаниях законодательных органов, их комитетов и комиссий играет неотъемлемую роль при обсуждении законопроектов. Взаимодействие прокуратуры с органами власти предполагает не только формальное участие в заседаниях, но и активную работу по разъяснению законодательства[2]. Важным направлением выступает мониторинг правоприменения как основа для внесения предложений об изменении законодательства. Прокурорам предписано активнее использовать в нормотворческой работе материалы прокурорского надзора и осуществлять мониторинг федерального и регионального законодательства.

Анализ теоретических разработок и практики деятельности прокуратур субъектов РФ позволяет выявить несколько проблем:

Отсутствие у прокуроров субъектов РФ права законодательной инициативы (за исключением республик) ограничивает их возможность по реагированию на потребности в совершенствовании законодательства. Данная ситуация представляется не вполне логичной, так как прокуроры лучше других знают, в каких местах законы работают плохо или содержат пробелы.

Существует проблема необязательности рассмотрения и учета замечаний прокурора на проекты нормативных правовых актов. Законодательные органы субъектов РФ не всегда реагируют на заключения прокуратуры, что снижает эффективность прокурорского участия в правотворчестве.

Актуальной является проблема схожести функций и возникновения коллизий между заключениями прокуратуры и иных органов (юстиции, правовых управлений администраций). Отсутствие единой базы оценки проектов НПА приводит к тому, что разные органы могут давать разные заключения по одному и тому же проекту.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Участие прокуратур субъектов РФ в правотворческой деятельности представляет собой самостоятельную функцию, имеющую

[1] Семьянова Л.В. Взаимодействие органов прокуратуры с органами местного самоуправления в сфере правотворчества // Законность. 2021. № 4. С. 8.

[2] Щербаков А.В. Взаимодействие прокуратуры с органами власти и местного самоуправления // Законность. 2014. № 10. С. 7–10.

прочную правовую основу и разнообразные формы реализации. Прокуратура выступает ключевым «фильтром» качества регионального законодательства, обеспечивая его соответствие федеральным законам и потребностям правового регулирования. Существующие формы участия в целом доказали свою эффективность, но их потенциал используется не в полной мере из-за ряда проблем. Ключевыми остаются: отсутствие у прокуроров субъектов РФ права законодательной инициативы; необязательность учета замечаний прокурора законодательными органами; риск подмены прокуратурой полномочий органов публичной власти; недостаточная методическая обеспеченность правотворческой деятельности.

Исследование позволило выработать рекомендации, направленные на улучшение: следует внести изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», закрепив право законодательной инициативы прокуроров субъектов РФ в законодательных органах соответствующих субъектов; разработать и утвердить единые методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов субъектов РФ. Они должны содержать четкие критерии оценки и алгоритмы действий прокуроров при выявлении нарушений.

В условиях цифровизации целесообразным будет внедрение единых цифровых платформ взаимодействия прокуратуры и законодательных органов субъектов РФ для более быстрого обмена проектами актов, заключениями и информацией о результатах их рассмотрения. Это позволит сократить сроки прохождения документов и повысить прозрачность правотворческого процесса.

Реализация этих рекомендаций будет способствовать повышению эффективности участия прокуратур субъектов РФ в правотворческой деятельности, укреплению законности в региональном нормотворчестве и, в конечном счете, обеспечению прав и законных интересов граждан.

Корнющенкова Анастасия Геннадьевна
(КЮИ (ф) УП РФ)

Научный руководитель: заведующий кафедрой теории государства и права КЮИ (ф) УП РФ, д.ю.н., доцент *Г.Г. Абасов*

ПРОКУРАТУРА КАК ГАРАНТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционная реформа 2020 г. придала актуальности дискуссии о природе публичной власти в Российской Федерации. Статья 80 Конституции РФ подчеркивает роль Президента в обеспечении согласованного функционирования всех органов единой системы публичной власти в государстве. В этих условиях возросло значение надзорных полномочий органов прокуратуры. Не входя в структуру законодательной, исполнительной или судебной власти, она занимает особое место в государственном аппарате, выступая ключевым гарантом законности и единства всей системы публичной власти. Статья 129 Конституции РФ определяет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему, что изначально указывает на ее роль как объединяющего звена, обеспечивающего непротиворечивость законодательства[1]. Такая централизация и независимость позволяют прокуратуре объективно и беспристрастно исполнять свою главную функцию – надзор за соблюдением законов.

Центральное место в понимании роли прокуратуры в поддержании единства публичной власти занимает предмет ее надзора. Согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», надзор охватывает федеральные органы исполнительной власти, Следственный комитет, региональные органы власти и, что особенно важно, органы местного самоуправления[2]. Последний аспект приобретает решающее значение в свете Федерального закона от 21 декабря 2021 г.

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

№ 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который интегрировал государственные и муниципальные органы в единую систему публичной власти[1]. Осуществляя надзор за законностью действий органов местного самоуправления, прокуратура не ограничивает их самостоятельность, но обеспечивает соответствие федеральным стандартам, что необходимо для целостности правового пространства. Надзорная деятельность прокуратуры служит правовым механизмом, связывающим различные уровни власти и обеспечивает соответствие решений местных органов публичной власти общегосударственным интересам и Конституции.

Механизм прокурорского надзора согласуется с функциональным единством государственной власти. Обеспечивая соответствие региональных и местных нормативных актов федеральному законодательству, прокуратура способствует реализации конституционного принципа верховенства федерального права. Это, в свою очередь, создает основу для эффективного выполнения Президентом РФ обязанностей по обеспечению согласованного функционирования органов публичной власти, согласно ст. 80 Конституции. Прокуратура, как отмечается в научной литературе, является инструментом главы государства для контроля за эффективностью и законностью работы всех государственных структур. Акты прокурорского реагирования, такие как протесты или представления об устранении нарушений направлены на корректировку деятельности органов власти, укрепляя законность и правомерность реализации их полномочий[2].

Более того, роль прокуратуры выходит за рамки надзора за правотворчеством и правоприменением. Обеспечивая законность, она способствует стабильности и предсказуемости взаимоотношений между уровнями власти и обществом. В заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регу-

[1] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 25 мая 2026 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1. ст. 8973; 2026. № 22, ст. 2759.

[2] Шишкин С.И. К вопросу о месте органов прокуратуры в системе органов публичной власти Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 36–41.

лирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» подчеркивается, что единство системы публичной власти подразумевает функциональное единство всех органов государства для достижения общегосударственных и общественно значимых целей, что подтверждает необходимость участия прокуратуры в этом процессе[1]. Выступая независимым арбитром и гарантом законности, прокуратура предотвращает конфликты, связанные с превышением и злоупотреблением полномочий должностными лицами, и способствует тому, чтобы все элементы системы публичной власти действовали слаженно, как единый организм, в обязательном порядке подчиняясь конституционным и законодательным требованиям. В этом качестве прокуратура является не просто надзорным органом, а активным гарантом конституционного принципа единства публичной власти, обеспечивая ее целостность, стабильность и эффективность, путем надзора за точным исполнением законов органами власти и должностными лицами.

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

Кузьмина Ангелина Андреевна
(ФГБОУ ВО «ТулГУ»)

Научный руководитель: доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «ТулГУ», к.ю.н. *И.А. Копьёва*

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Прокуратура играет значительную роль в реализации государственной политики в сфере уголовного права, касающейся обороны. В соответствии с ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ, прекращение уголовного преследования в отношении лица, чье дело было приостановлено по запросу воинского командования, может осуществляться дознавателем. Для этого необходимо получить согласие прокурора и запросить у соответствующих ведомств информацию, требуемую для применения ст. 78.1 УК РФ. Кроме того, ч. 4 ст. 28.2 УПК РФ определяет, что порядок взаимодействия между командованием воинских частей и следственными органами (органами дознания) при прекращении уголовного преследования военнослужащих Вооруженных Сил РФ (подозреваемых или обвиняемых) в условиях мобилизации, военного положения или военного времени утверждается совместными актами Министерства обороны, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры и других федеральных органов, ответственных за предварительное расследование.

Современная общественно-политическая ситуация обусловила необходимость внесения изменений в уголовное законодательство, что подтверждает необходимость анализа норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания участников специальной военной операции (далее – СВО).

Согласно ст. 78.1 УК РФ лица, вступившие в ряды Вооруженных Сил РФ в период мобилизации или в военное время, заключившие контракт о прохождении военной службы в соответствующий период, а также военнослужащие, совершившие преступления во время службы в аналогичный период, освобождаются от уголовной ответственности. Исключение составляют лица, виновные в совершении преступлений против половой неприкосновенности

несовершеннолетних, преступлений террористической и экстремистской направленности, включая захват заложников, участие в незаконных вооруженных формированиях, незаконные действия с ядерными материалами, государственную измену, покушение на госдеятеля, насильственный захват власти, организацию мятежа, диверсии, преступления против мира и безопасности человечества и др. Исчерпывающий перечень таких преступлений определен в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Освобождение возможно при награждении государственной наградой или увольнении по возрасту, состоянию здоровья или окончанию мобилизации. Прекращение уголовного преследования невозможно, если обвиняемый возражает против этого. В таком случае, судебное разбирательство продолжается в стандартном порядке[1].

В соответствии с законодательством, для освобождения от уголовной ответственности необходимо наличие ходатайства командования воинской части. Примером является дело М. Дегтярева, осужденного 15 ноября 2022 г. 27 октября 2023 г., будучи в розыске, он подписал контракт с Минобороны России и был назначен в воинскую часть. 2 декабря 2023 г. он получил ранения, а после госпитализации был задержан. В мае 2024 г. суд первой инстанции, проигнорировав его контракт, приговорил его к 4,5 года колонии строгого режима, несмотря на медаль «За храбрость II степени» и ходатайство командования. Кассационная инстанция также отклонила ходатайство о приостановлении дела, ссылаясь на отсутствие соответствующего запроса на момент вынесения приговора. Однако 2 июля 2024 г. замгенпрокурора И. Ткачёв подал кассационное представление, указав на игнорирование оснований для применения ст. 78.1 УК РФ. Верховный Суд РФ отменил предыдущие решения, освободив Дегтярева, подчеркнув, что основание для освобождения заключается в факте заключения контракта и полученной награде, а не в юридических формальностях[2].

Лица, отбывающие наказание, могут быть условно освобождены по ст. 80.2 УК РФ, а судимости могут быть погашены по ч. 3.1 ст. 86 УК РФ. Суд также вправе освободить от наказания лиц, впер-

[1] Суров В.В. Принципы и цели прекращения уголовного преследования и уголовного дела в отношении лиц, принимающих участие в специальной военной операции // Закон и право. 2024. № 5. С. 284–287.

[2] Кассационное определение от 1 июля 2025 г. по делу № 1-10/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/CGWv6JKcaPV5/ (дата обращения: 02.03.2026).

вые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, если установлено, что преступление или само лицо утратили общественную опасность, как указано в ст. 80.1 УК РФ. Утрата общественной опасности может быть связана с посткриминальным поведением[1]. Увеличилось применение этой статьи в условиях СВО, особенно в случаях освобождения за выполнение гражданского долга. Ефрейтор В. Устинов был осужден за смертельное ДТП, в результате которого погибли два человека. В мае 2022 г. Хабаровский гарнизонный суд приговорил его к двум годам колонии-поселения, что подтвердили апелляционная и кассационная инстанции. Однако Верховный Суд РФ освободил Устинова от наказания, применив ст. 80.1 УК РФ. Суд отметил, что изменение обстановки снизило общественную опасность его действий. Устинов признал свою вину, выразил сожаление, сотрудничал со следствием и компенсировал ущерб. Он имел положительные характеристики от командования и был признан не представляющим общественной опасности[2].

Таким образом, законодатель предусмотрел поощрительные нормы для участников СВО. Юридические инструменты освобождения от ответственности и наказания участников СВО мотивируют выполнять гражданский долг по несению военной службы и способствуют ресоциализации.

[1] Боярская А.В. Виды позитивного посткриминального поведения, поощряемого положениями ч. 2, 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19, № 3. С. 108–117.

[2] Верховный суд признал участие в СВО основанием для освобождения от наказания // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6124198 (дата обращения: 02.03.2026).

Максимов Владислав Андреевич
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *Е.Н. Асташкина*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЧВК И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Формирование современного облика международного рынка военных услуг приходится на период после окончания «холодной войны». Начиная с 1990-х гг., наблюдается устойчивый рост количества частных военных компаний (ЧВК), что напрямую связано с глобальной реструктуризацией вооруженных сил. Сокращение национальных армий, затронувшее большинство ведущих держав, привело к высвобождению значительного кадрового резерва профессиональных военных, которые стали основой для развития частного военного сектора. Российская Федерация в данном контексте не стала исключением: демобилизационные процессы после распада СССР в 1991 г. привели к трехкратному сокращению численности личного состава Вооруженных Сил, что создало объективные предпосылки для предложения соответствующих услуг на внутреннем рынке.

На сегодняшний день в России зарегистрировано более десяти ЧВК, наиболее заметными из которых являются «Вагнер», «Редут» и «РСБ Групп»[1]. Спектр деятельности ЧВК, зафиксированный в их учредительных документах, чрезвычайно широк: от охраны гуманитарных конвоев и обучения личного состава до защиты промышленных объектов (трубопроводов) и прямого участия в боевых операциях. Российские ЧВК стали заметными игроками в этом поле, приняв участие в сирийском конфликте и в событиях на Украине.

Ключевое значение прокурорского надзора за соблюдением прав военнослужащих было подчеркнуто Президентом РФ В.В. Путиным 26 марта 2024 г. в ходе расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры. Глава государства акцентировал внимание на неуклонности государственного курса в области социальной защиты военнослужащих и поручил надзорному ведомству сосредоточить основные усилия на обеспечении их законных прав, определив данное направление деятельности в качестве безусловного приоритета[1].

Правоприменительная практика 2022 г. характеризовалась существенным увеличением нагрузки на органы прокуратуры в связи с началом проведения специальной военной операции: количество поступивших жалоб возросло в 2,5 раза. Доминирующим поводом для обращений стали вопросы, связанные с реализацией Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647, которым была объявлена частичная мобилизация[2]. В этой логике первостепенное значение приобретает уяснение круга лиц, признаваемых военнослужащими, ибо именно их права выступают объектом повышенной прокурорской защиты. Легальное определение данной категории закреплено в ст. 2 Закона о статусе военнослужащих[3]. Согласно норме, военнослужащими признаются граждане, проходящие службу по призыву либо по контракту. К числу последних (контрактников) законодатель относит офицерский состав, прапорщиков, мичманов, сержантский и рядовой состав, а также курсантов военных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Несмотря на то, что деятельность ЧВК напрямую связана с интересами государства, правовой статус их сотрудников остается предметом дискуссий. Ни в России, ни за рубежом пока не выработано единого подхода к их классификации. В разных странах сотрудников ЧВК могут относить к комбатантам, гражданским подрядчикам или даже к категории наемников-преступников[4].

Наряду с участниками вооруженных конфликтов, чей правовой статус уже определен и в той или иной степени сопоставим со статусом военнослужащих, остается нерешенным вопрос о правовом

[1] Какие ЧВК есть в России и в мире: полный список // Федерал. Пресс. URL: https://fedpress.ru/article/3140747 (дата обращения: 26.02.2026).

[1] Путин призвал защищать права военнослужащих // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240326/putin-1935904566.html (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39, ст. 6590.

[3] Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в ред. от 25 мая 2026 г.) // СЗ РФ. № 22. 1998, ст. 2331; 2026. № 22, ст. 2752.

[4] Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Международный журнал Красного креста. 2006. № 863, т. 88. С. 65.

положении структур, предоставляющих платные услуги в сфере ведения боевых действий. Появление таких организаций во многом обусловлено эволюцией рыночной экономики: частные компании все активнее участвуют в процессах капиталистической экспансии – как экономической, так и военной, выступая при этом ключевыми выгодоприобретателями подобных процессов[1].

Обоснованное утверждение Президента РФ В.В. Путина о том, что «юридически частных военных компаний в России нет. Они не предусмотрены законом»[2]. Ситуация осложняется отсутствием прямых договорных связей между государственными структурами и частными военными компаниями. Из-за этого сотрудники ЧВК оказываются в своеобразном правовом вакууме: будучи фактически вовлеченными в выполнение задач государственной важности, юридически они не могут претендовать на статус ветеранов боевых действий и соответствующие меры социальной поддержки. Корень проблемы в отсутствии законодательной базы, регламентирующей деятельность ЧВК, что образует существенный пробел в системе государственного регулирования.

Согласно анализу п. 3 ст. 9 Закона «Об обороне», граждане имеют право учреждать организации и общественные институты, способствующие укреплению обороноспособности страны. Однако на сегодняшний день соответствующая правовая база отсутствует, что вынуждает подобные структуры искать пути легализации своей деятельности.

В качестве примера можно привести неоднократные попытки внести в Государственную Думу РФ проект Федерального закона «О правовом статусе частных военных компаний в РФ». Однако эти инициативы не получили одобрения профильных ведомств[3].

Наибольшую озабоченность вызывает проблема реализации права на социальное обеспечение бойцами ЧВК, получившими ранения в ходе специальной военной операции. Ввиду отсутствия четкой правовой регламентации статуса указанных лиц, они фак-

[1] Чжочао Юй, Грозин А.В. Частные военные компании: причины появления, основные особенности и правовое положение // Постсоветский материк. 2022. № 4 (36). С. 17–18.

[2] Путин назвал ситуацию с выплатами ЧВК «пробелом, допущенным Минобороны» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/14/12/2023/657ada249a794728e36e79bd (дата обращения: 26.02.2026).

[3] На каких основаниях работают российские ЧВК // Газета.ru. URL: https://www. gazeta.ru/army/2017/06/26/10736969.shtml (дата обращения: 26.02.2026).

тически исключены из системы государственной поддержки, доступной для мобилизованных граждан и добровольцев. Возникает обоснованный вопрос о критериях дифференциации социальной помощи: оправдано ли с точки зрения принципа справедливости лишение поддержки лиц, принимавших непосредственное участие в боевых действиях и получивших увечья при защите интересов государства? Аналогичная коллизия прослеживается и в отношении членов семей таких бойцов, которые также оказываются за рамками гарантированной государством помощи, предоставляемой семьям военнослужащих.

Определенные шаги по решению этой проблемы предпринимаются органами прокуратуры. Например, в Алтайском крае за счет добровольцев из частных боевых подразделений был расширен перечень военнослужащих, чьи дети имеют право на бесплатное школьное питание[1].

Таким образом, прокурорский надзор представляет собой действенный механизм выявления и пресечения нарушений законодательства в области защиты прав военнослужащих и членов их семей. Реализуемые в ходе надзорной деятельности меры прокурорского реагирования не только способствуют оперативному устранению конкретных нарушений, но и направлены на выявление их системных причин и способствующих им обстоятельств. Это обеспечивает комплексный профилактический эффект: на индивидуальном уровне гарантируется восстановление прав пострадавших военнослужащих, а на институциональном – повышается престиж военной службы, что, в свою очередь, усиливает ее привлекательность для граждан, ориентированных на построение карьеры в данной сфере. Кроме того, в ходе анализа выявлена насущная потребность в создании целостной системы правового регулирования статуса частных военных компаний (ЧВК) в Российской Федерации. Ключевой задачей в данном контексте является обеспечение правовой защиты сотрудников ЧВК, включая законодательное закрепление за ними статуса, коррелирующего с объемом прав и обязанностей военнослужащего.

В связи с этим рассматриваемая проблематика приобретает не только теоретическую ценность, но и существенную практи-

[1] Обзор Генеральной прокуратуры РФ результатов надзорного сопровождения мероприятий в сфере демографии, социальной защиты семей с детьми № 21/1-04-2024 от 28 июня 2024 г. // Официальный сайт Генпрокуратуры России. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5834902/ (дата обращения: 26.02.2026).

ческую значимость. Она открывает возможности для поиска действенных механизмов повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав военнослужащих, что особенно актуально в современных условиях.

Мафенбеер Виктория Александровна
(КЮИ (ф) УП РФ)

Научный руководитель: заведующий кафедрой теории государства и права КЮИ (ф) УП РФ, д.ю.н., доцент *Г.Г. Абасов*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ КАК ФАКТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ

Прокуратура Российской Федерации является важнейшим элементом государственной системы, которая несет ответственность за надзор за законностью и конституционностью на территории страны. Полномочия деятельности органов прокуратуры регламентированы Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»[1].

Эпоха стремительной цифровой трансформации ставит перед органами государственной власти новые вызовы. В таких условиях объем обрабатываемой информации увеличивается ежедневно, что требует внедрения современных цифровых решений. Одним из актуальных направлений на сегодняшний день является использование нейросетевых технологий, которые способны повысить эффективность работы органов прокуратуры, а также поднять технологическое развитие государства в целом.

Президент РФ отмечал: «Тот, кто станет лидером в сфере искусственного интеллекта, будет властелином мира»[2]. Данная позиция подчеркивает стратегическую значимость внедрения нейросетевых технологий.

Искусственный интеллект способен обрабатывать значительные объемы информации в короткие сроки. К основным его функциям относится обработка текстов, распознавание информации, автоматизация процессов. Благодаря этим возможностям нейросети находят свое применение в различных сферах.

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

[2] Путин В.В. Выступление на открытом уроке «ПроеКТОриЯ», 1 сентября 2017 г. // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55493 (дата обращения: 19.03.2026).

Одним из ключевых направлений применения нейросетевых технологий является анализ обращений граждан. Это позволит автоматически классифицировать жалобы, выделять критически важные и ускорять их обработку. Эти технологии также являются мощным инструментом для выявления законодательных нарушений, поскольку способны анализировать обширные массивы различных данных и обнаруживать признаки противоправных действий. В судебной сфере нейросети поспособствуют оптимизации анализа практики и прогнозированию результатов. Помимо этого, они автоматизируют документооборот, упрощая подготовку и проверку документов, что существенно окажет влияние на ускорение работы в органах прокуратуры.

Внедрение нейросетей в работу прокуратуры несет в себе ряд весомых преимуществ. Одним из ключевых является существенное ускорение процессов обработки информации и вынесения решений. Нейросети демонстрируют способность анализировать данные с невиданной ранее скоростью, значительно опережая человека. Это также приводит к снижению общей нагрузки на работников, позволяя специалистам уделять больше внимания задачам, требующим глубокого анализа и экспертной оценки.

Правовое регулирование интеграции нейросетей в деятельность органов прокуратуры преимущественно фокусируется на обеспечении соответствия нормам законодательства, регламентирующего обработку персональных данных. В основе данного регулирования лежит Федеральный закон от № 152-ФЗ «О персональных данных»[1], который устанавливает принципы законности, конфиденциальности и безопасности информационных процессов. Использование нейросетей при работе с большим количеством данных повышает риски утечки информации, неправомерного доступа и потенциальных алгоритмических сбоев ввиду того, что правовая база, регулирующая искусственный интеллект, находится на стадии становления, применение данных технологий должно осуществляться в качестве вспомогательного инструмента, которая дополняет работу человеческой деятельности.

Подводя итог, необходимо отметить, использование нейросетей предоставит перспективное направление развития, которое обеспечит повышение эффективности работы органов прокуратуры. Соблюдение законов и умное внедрение технологий позволят минимизировать риски и эффективно их использовать. В долгосрочной перспективе, развитие нейросетевых технологий станет важным фактором технологического лидерства России и совершенствования государственного управления.

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; 2025. № 21, ст. 2542.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЕ БЕЗОПАСНОСТИ»

Антончикова Вероника Александровна
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского» к.ю.н., доцент *С.В. Шошин*

РОЛЬ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

На сегодняшний наблюдается устойчивая динамика вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет, мессенджеры и социальные сети. Под предлогом получения быстрого дохода либо выполнения несложных поручений подросткам предлагается совершение незаконных действий, таких как поджоги, умышленное повреждение имущества, распространение запрещенного контента и иные правонарушения. Указанные практики фактически представляют собой механизм целенаправленного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, имеющую экстремистскую направленность, со стороны лиц, осознанно эксплуатирующих их в противоправных целях[1]. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность во многом обусловлено их повышенной уязвимостью: подростки в большей степени подвержены идеологическому и психологическому влиянию и в ряде случаев не могут быть привлечены к уголовной ответственности[1]. Кроме того, в соответствии со статистикой, несовершеннолетние являются наиболее активными пользователями сети Интернет[2], а именно киберсреда, как показывает практика, зачастую становится площадкой, используемой преступниками для вербовки несовершеннолетних. Применяемые субъектами противоправной деятельности методы варьируются от создания привлекательного контента, апеллирующего к потребности в признании, поддержке и принадлежности к группе, до использования давления, угроз и иных форм принуждения[3]. Распространенной практикой является маскировка под сверстников: правонарушители интегрируются в молодежные онлайн-сообщества, получают доступ к открытым профилям и выстраивают доверительное взаимодействие с последующей вербовкой. В целях вовлечения в экстремистскую деятельность активно задействуются закрытые коммуникационные каналы, позволяющие обеспечивать конфиденциальность и контролировать информационные потоки[4].

Государство принимает комплекс мер, направленных на противодействие совершению преступлений экстремистской направленности, в том числе, путем принятия законов, упрощающих порядок привлечения к ответственности за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации, путем введения административной ответственности за умышленный поиск заведомо экстремистских материалов и т.д. Однако сложно переоценить роль правового просвещения, особенно когда речь идет о вовлечении в преступность несовершеннолетних. Правовое просвещение несовершеннолетних, осуществляемое работниками прокуратуры, выступает одним из ключевых направлений их деятельности. Правовое просвещение реализует-

[1] Ахмедов У.Н. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как предмет доказывания по уголовным делам // Вестник ВИ МВД России. 2024. № 4. С. 164–171.

[1] Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53, ч. 1, ст. 8669.

[2] Дети в интернете // Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/837320649.html (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Демина А.В., Маторина Ю.Н. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-технологий в условиях новых вызовов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 89–96.

[4] Бошаева Л.Л. Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 153–155.

ся в следующих формах: участие прокурорских работников в формировании правовой культуры обучающихся в образовательных организациях; реализация просветительских мероприятий вне учебного процесса с применением информационно-коммуникационных технологий; а также проведение просветительской работы во внеклассной среде без использования цифровых инструментов[1].

Например, в декабре 2025 г. в Энгельсском районе Саратовской области сотрудники прокуратуры провели встречу с учащимися образовательного центра, в рамках которой были разъяснены правовые основы противодействия экстремизму и терроризму[2]. Дополнительно на официальном сайте прокуратуры Саратовской области функционирует специализированный раздел с просветительскими материалами, включая разъяснения, видеоконтент и наглядные пособия соответствующей направленности[3]. Нельзя не отметить, что работа прокуратуры по правовому просвещению реализуется в тесном взаимодействии с органами государственной власти Саратовской области и местного самоуправления, институтами уполномоченных по правам человека и ребенка, средствами массовой информации и иными структурами гражданского общества.

Проведенный анализ доказывает, что на данный момент вопросы противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступления экстремистской направленности путем правового просвещения не только подробно законодательно урегулированы, но и прокуратурой реализуется широкий комплекс мер, направленных на воплощение закрепленных в нормативных актах направлений и мероприятий. Тем не менее это не исключает необходимости дальнейшего совершенствования данной сферы. В частности, представляется целесообразным совмещение мероприятий по правовому просвещению и воспитанию цифровой грамотности молодежи, что особенно актуально в связи с вовлечением в преступность экстремистской направленности именно в киберпространстве.

[1] Приказ Генпрокуратуры России от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (в ред. от 9 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Прокурор и юрист провели для школьников Энгельса урок по патриотизму и праву // Комсомольская правда. URL: https://www.saratov.kp.ru/online/news/6724974/ (дата обращения: 14.03.2026).

[3] Правовое просвещение // Официальный сайт прокуратуры Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/activity/legal-education/ (дата обращения: 17.03.2026).

Водопьянова Мария Константиновна
(ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева»)

Научный руководитель: доцент кафедры информационного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева», к.ю.н. *А.Н. Гулемин*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о защите персональных данных приобретает особое значение в условиях цифровизации, сопровождающейся ростом объемов обработки информации и рисков ее неправомерного использования. Федеральный закон № 152-ФЗ направлен на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, но реальная эффективность установленного правового режима во многом зависит от деятельности органов, наделенных надзорными полномочиями, среди которых центральное место занимает прокуратура[1]. Статистика Роскомнадзора (более 44 тыс. обращений граждан в 2022 г.) подтверждает сохраняющийся высокий уровень нарушений со стороны операторов, прежде всего в финансовой, жилищно-коммунальной сфере и среди владельцев интернет-ресурсов[2].

Нормативную основу прокурорского надзора в рассматриваемой сфере составляют Конституция РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон № 152-ФЗ, а также нормы КоАП РФ об административной ответственности за нарушение правил обработки персональных данных. Закон о прокуратуре закрепляет полномочия органов прокуратуры по надзору за исполнением законов органами публичной власти и организациями, тогда как ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ легитимирует обработку персональных данных органами прокуратуры в связи с осуществлением надзорных функций. Статьи 13.11

[1] Сердюкова В.С., Малин П.М. Прокурорский надзор за соблюдением персональных данных граждан в сети Интернет // Science Time. 2017. № 3 (39). С. 392.

[2] Фетисов В. Роскомнадзор получил более 44 тыс. жалоб о неправомерной обработке персональных данных в 2022 году // CIT Forum. URL: https://citforum.ru/news/44400/ (дата обращения: 22.03.2026).

и 13.12 КоАП РФ, предусматривающие значительные штрафы за незаконную обработку и ненадлежащее обеспечение защиты персональных данных, формируют правовую основу для вынесения прокурорами постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях.

Предмет прокурорского надзора в сфере персональных данных охватывает соблюдение операторами установленных законом требований при сборе, хранении, использовании, передаче и уничтожении сведений о гражданах, а также при обеспечении реализации прав субъектов персональных данных[1]. При проверках особое внимание уделяется законности целей обработки, соразмерности объема данных заявленным целям, наличию и качеству локальных актов, исполнению обязанностей по уведомлению Роскомнадзора и соблюдению требований к согласиям субъектов. Наиболее типичными нарушениями остаются отсутствие внутренней документации, использование универсальных форм согласий, несоблюдение сроков хранения, передача данных третьим лицам и размещение персональной информации в сети Интернет без правового основания, при этом значительную роль в выявлении таких нарушений играет анализ обращений граждан, сообщений СМИ и мониторинг сети Интернет.

Современный этап характеризуется усилением внимания к цифровой среде, включающей официальные сайты органов власти, сервисы, основанные на обработке больших данных, и информационные системы, содержащие массивы персональной информации. Ужесточение требований к обеспечению безопасности данных и ответственности за утечки и несанкционированный доступ усиливает значение прокурорских проверок как фактора, стимулирующего операторов к соблюдению правовых требований. В ответ на выявленные нарушения органы прокуратуры используют комплекс актов реагирования (представления, предостережения, постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, иски в суд, в том числе в защиту неопределенного круга лиц), что позволяет рассматривать их как одного из ключевых гарантов исполнения законодательства о защите персональных данных[2].

[1] Ергашев Е.Р. К вопросу о понятии и признаках предмета и объекта прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 18–19.

[2] Воеводина Т.Г. К вопросу о правовом регулировании проведения прокурорской проверки исполнения законов. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2017. № 6. С. 338.

Существенное значение имеет разграничение компетенции прокуратуры и Роскомнадзора, который осуществляет специализированный государственный контроль за обработкой персональных данных, проводит проверки, выдает предписания и привлекает операторов к административной ответственности. Научная доктрина обоснованно исходит из общего надзорного статуса прокуратуры и специализированной роли Роскомнадзора, подчеркивая, что прокуратура не подменяет контрольные функции уполномоченного органа, а обеспечивает законность в целом и координирует межведомственное взаимодействие в сфере защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни в информационной сфере. В этом контексте прокурорский надзор за персональными данными выступает элементом более широкой системы гарантий информационной безопасности личности.

Развитие информационных технологий, распространение облачных сервисов, трансграничной передачи данных и биометрических идентификаторов усиливает требования к адаптации прокурорского надзора к новым рискам. В качестве приоритетных направлений обозначаются совершенствование методических рекомендаций для прокуроров, развитие специализированной подготовки в области информационного права и защиты информации, а также более четкое нормативное разграничение компетенции прокуратуры и Роскомнадзора. Перспективным представляется расширение механизмов электронного взаимодействия между органами прокуратуры, уполномоченным органом и иными контролирующими структурами, что способно повысить профилактический потенциал надзора и снизить масштаб нарушений прав субъектов персональных данных.

Гаджиалиева Хамис Шамиловна
(ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»)

Научный руководитель: преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»
З.И. Магомедханова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОВРЕМЕННЫХ ИТ-РЕШЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

В условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни органы прокуратуры РФ сталкиваются с необходимостью внедрения современных информационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ) для повышения эффективности своей деятельности. Генеральный прокурор России Игорь Краснов неоднократно подчеркивал, что цифровизация и использование ИИ становятся ключевыми инструментами для оптимизации прокурорского надзора, повышения оперативности реагирования на нарушения закона и формирования среды доверия между государством и обществом.

Современные ИТ-решения позволяют автоматизировать обработку обращений граждан, выявлять типовые нарушения и формировать аналитические отчеты. Искусственный интеллект способен анализировать большие массивы данных, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать риски правонарушений. Например, с 2025 г. инспекторы применяют ИИ для мониторинга предпринимательской деятельности, что позволило сократить количество плановых проверок при сохранении уровня защиты граждан.

Внедрение ИИ позволяет автоматизировать составление процессуальных документов, формировать проекты актов прокурорского реагирования и оптимизировать внутренние рабочие процессы. Это снижает нагрузку на сотрудников и минимизирует человеческий фактор при подготовке документов[1].

Рядом ведомств, таких как Росреестр, Россельхознадзор и Росприроднадзор, уже активно применяются беспилотные летательные аппараты и системы обработки спутниковых изображений для выявления нарушений[1]. В 2026 г. планируется увеличить долю проверок с использованием дронов до 10 %, что позволит более эффективно контролировать большие территории и оперативно реагировать на выявленные нарушения.

Создание единой цифровой платформы обеспечивает прозрачность, доступность информации и оперативное взаимодействие между прокуратурой, гражданами и другими органами власти. Это способствует формированию среды доверия и повышению эффективности прокурорского надзора.

Преимущества цифровизации для прокуратуры:

- повышение оперативности – автоматизация рутинных процессов позволяет быстрее реагировать на обращения и выявлять нарушения[2];
- снижение нагрузки на сотрудников – ИИ берет на себя обработку больших объемов информации, освобождая время для более сложных задач;
- улучшение качества надзора – аналитика больших данных и прогностические алгоритмы способствуют более точному выявлению рисков и профилактике правонарушений;
- прозрачность и доверие – цифровые сервисы делают деятельность прокуратуры более открытой для общества.

Вызовы и риски внедрения ИИ и ИТ:

- правовые и этические вопросы – необходимость обеспечения прозрачности алгоритмов, защиты персональных данных, соблюдения прав граждан;
- информационная безопасность – риски кибератак, несанкционированного доступа к данным, необходимость создания защищенных отечественных платформ;
- кадровая подготовка – потребность в обучении сотрудников новым цифровым компетенциям;
- интеграция с другими ведомствами – сложность взаимодействия различных государственных информационных систем.

[1] Матвеев Е.В. Использование искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры: перспективы и риски // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2025. № 6. С. 45–52.

[1] Кунев Д.А., Симонов А.А. Развитие технологий искусственного интеллекта как перспективное направление цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2024. № 3 (101). С. 27–32.

[2] Исаенко В.Н., Афанасьева М.В., Джиоев А.В. Теория и практика современных информационных технологий при реализации функций органов прокуратуры. М.: Проспект, 2022.

Использование искусственного интеллекта и современных ИТ-решений становится неотъемлемой частью цифровой трансформации органов прокуратуры. Эти технологии позволяют повысить оперативность и качество прокурорского надзора, оптимизировать внутренние процессы и обеспечить более эффективное взаимодействие с гражданами и другими органами власти. Однако для успешной реализации потенциала цифровизации необходимо учитывать правовые, этические и организационные риски, а также уделять внимание подготовке кадров и развитию защищенной цифровой инфраструктуры.

Гребнев Даниил Романович
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», к.ю.н., доцент *С.В. Шошин*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В современной науке уголовного права долгое время одной из самых актуальных тем остается киберпреступность. Она является характерной чертой современного общества, поскольку, как отмечают многие авторы в своих исследованиях, киберпреступность неразрывно связана с развитием научно-технического прогресса и широким спектром возможностей использования сети Интернет, что в некоторой мере способствует криминализации информационной среды[1]. При этом, несмотря на популярность в научных кругах, в современном национальном уголовном праве практически отсутствует даже дефиниция «киберпреступность». Такое положение вещей можно обосновать несколькими причинами.

Во-первых, согласно Модельному закону государств – участников СНГ «О противодействии киберпреступности», киберпреступность – это совокупность преступлений в киберпространстве, то есть в цифровой среде, возникающей в результате взаимодействия людей, программного обеспечения и сервисов в информационно-телекоммуникационных сетях[2]. Необходимо отметить, что данный акт носит скорее рекомендательный характер, нежели является полноценным источником регулирования. Из вышеуказанного определения следует, что главным критерием выделения категории «киберпреступления» является метод и форма совершения преступления, а именно, в соответствии с вариантом 1 ст. 2 вышеуказанного международного акта, основным фактором, позволяющим отнести то или иное деяние к киберпреступности – соверше-

[1] Клишков В.Б., Стебенева Е.В., Яковлева М.А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Вестник ННГУ. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-ponyatie-priznaki-osnovnye-napravleniya-protivodeystviya (дата обращения: 24.03.2026).

[2] Модельный закон о противодействии киберпреступности // СПС «КонсультантПлюс».

ние преступления с использованием информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ). При этом в отечественном уголовном законодательстве применяется совершенно иной подход для дифференцирования преступлений. Исходя из самой структуры основного источника уголовного права в России – УК РФ, в котором разделы объединяют статьи о посягательствах на родовой объект преступления, а главы на видовой объект[1], следует, что основным критерием выделения категорий преступлений выступает объект преступления, то есть те охраняемые законом общественные отношения, на которые посягают преступления[2]. Иными словами, выделение такой категории, как «киберпреступления», не отвечает сложившейся отечественной практике законодательного дифференцирования общественно опасных деяний, поскольку деяния, входящие в категорию «киберпреступления», могут иметь совершенно разные объекты, например хулиганство с использованием ИКТ и создание вредоносных компьютерных программ, тогда как для законодателя объект преступления – ключевой объединяющий фактор, позволяющий выделять категории преступлений, например, таких как преступления в сфере экономической деятельности и экологические преступления, что ставит под сомнение возможность выделения киберпреступления в самостоятельную категорию в отечественном законодательстве.

Во-вторых, дефиниция «киберпреступления» практически не используется и в учебной литературе. Многие учебники и учебные пособия различных авторов, среди которых можно выделить С.Я. Казанцева, П.Н. Музаренко, В.В. Бабурина, М.В. Бавсуна, И.А. Белецкого, И.Ю. Оськину, А.А. Лупу, Р.С. Джинджолия, Р.Г. Бабаева, Э.Р. Бабаева, не упоминают такое явление, как киберпреступность, вовсе. В большинстве случаев классификацию преступлений производят по классическим критериям, которые также используются законодателем. Во многом это можно объяснить тем, что учебная юридическая литература основывается, в первую очередь, на законодательстве, поскольку именно оно составляет один из основных предметов изучения, ввиду чего происходит та же самая ситуация, что и в случае с уголовным законодательством.

[1] Безверхов А.Г., Голенко Д.В. Строение особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stroenie-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-sovremennost-i-perspektivy (дата обращения: 24.03.2026).

[2] Харабара И.В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-prestupleniya-i-ego-vidy (дата обращения: 24.03.2026).

В-третьих, понятие киберпреступности относительно новое и не успело прижиться. Как уже было указано, в национальном законодательстве оно не выделяется вовсе, а его корни растут из вышеописанного Модельного закона 2023 г. государств – членов СНГ «О противодействии киберпреступности». Также существует Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, однако данный международный акт еще не ратифицирован Российской Федерацией. При этом данная конвенция была заключена еще позже, чем был принят вышеуказанный модельный закон, а именно в 2024 г.

Таким образом, киберпреступность – неоднозначная и относительно новая категория в современном уголовном праве. Она достаточно популярна в науке, однако практически не используется в законодательстве России и учебной литературе. Во многом это связано с тем, что выделение такой самостоятельной категории как киберпреступность не отвечает практике дифференцирования преступлений, сложившейся в современном законодательстве и вытекающей еще из советского периода, ввиду чего обоснованность использования данной категории как самостоятельной может ставиться под сомнение.

Колесникова София Евгеньевна
(ЛЮИ (ф) УП РФ)

Научный руководитель: заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЛЮИ (ф) УП РФ, к.ю.н., доцент *И.А. Побережная*

ЦИФРОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В последние годы в Российской Федерации активно происходят процессы цифровой трансформации государственного управления. В контексте данной парадигмы Генеральной прокуратурой Российской Федерации (далее – ГП РФ) разработана и утверждена Концепция цифрового развития органов и организаций прокуратуры до 2025 года, создана единая защищенная сеть передачи данных, встроены автоматизированные информационные системы[1].

Одним из ключевых цифровых методов является цифровой мониторинг – систематическое наблюдение за информационно-телекоммуникационными сетями. Мониторинг выполняет функции: проверочных действий (правовой мониторинг), информационно-аналитического инструмента и правового средства выявления информации о нарушениях или нарушающей закон[2]. Правовую основу цифрового мониторинга составляют законодательные[3] и ведомственные акты ГП РФ. Ключевое значение имеет приказ ГП РФ от 17 мая 2018 г. № 295, п. 2.6 которого прямо предписывает прокурорам организовать мониторинг сети Интернет

[1] Чмеленко И.А. Проблемы и перспективы цифровой трансформации в работе прокуратуры // Образование и право. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-v-rabote-prokuratury (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Ергашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.

[3] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

в целях недопущения ее использования в террористических целях. При выявлении информации, содержащей призывы к терроризму, прокурор обязан принять меры по ограничению доступа к таким ресурсам и при наличии оснований направить материалы в следственные органы.

Особую актуальность цифровой мониторинг приобретает в сфере противодействия терроризму и формирования правосознания несовершеннолетних. Именно в подростковом возрасте закладываются основные правовые убеждения, формируется отношение к закону и ответственности. К особенностям правосознания несовершеннолетних относят: групповой характер поведения, высокую потребность в общении со сверстниками, а также склонность к морально-оценочному восприятию действительности[1]. Подростки особенно чувствительны к тому, как общество и государство реагируют на их поступки. И если они видят, что противоправные действия в интернете не остаются незамеченными, это оказывает на них серьезное профилактическое воздействие.

Цифровой мониторинг в деятельности органов прокуратуры обладает двойственной природой. С одной стороны, он выступает как эффективный инструмент поиска и фиксации противоправного контента. При выявлении такой информации прокурор принимает меры по ограничению доступа. С другой стороны, сам факт существования мониторинга и неотвратимость ответственности, которую он обеспечивает, способствуют формированию у несовершеннолетних уважения к закону и пониманию границ дозволенного в цифровой среде.

Подтверждением эффективности цифрового мониторинга могут служить статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. В ходе работы были проанализированы сведения формы 11.1 о демографических признаках осужденных по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ за 2020–2024 гг.[2] Результаты анализа представлены в таблице.

[1] Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД (Могилев, 16 мая 2018 г.) / отв. ред. И.А. Демидова. Могилев: Изд-во Могилев. ин-та МВД Республики Беларусь, 2018.

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» (в ред. от 25 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ

Год	Всего осужденных	Из них несовершеннолетних
2020	111	5
2021	170	9
2022	233	11
2023	257	13
2024	152	10
Итого	**923**	**48**

Как видно из таблицы, за пять лет к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ было привлечено 48 несовершеннолетних, что составляет в среднем около 10 человек в год. Каждый такой случай – результат работы системы цифрового мониторинга: противоправная информация была выявлена, лицо, ее распространившее, установлено и привлечено к ответственности. Сама неотвратимость наказания, демонстрируемая через подобные примеры, оказывает превентивное воздействие на миллионы других подростков, формируя у них установку на правомерное поведение в интернете. Плюсами внедрения цифровизации в ГП РФ являются создание единой информационной системы, развитие коммуникации как между гражданами и прокуратурой, так и между отделениями, а также удобная работа с большим объемом информации и последующий ее анализ.

Важным подтверждением того, что цифровой мониторинг является не только направлением деятельности органов прокуратуры, но и сферой подготовки молодых кадров, служит развитие соответствующих студенческих объединений в образовательных организациях системы прокуратуры РФ. Так, в Университете прокуратуры Российской Федерации создано студенческое объединение «Киберволонтеры». Аналогично в Луганском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в 2025 г. было создано студенческое объединение виртуального волонтерства «Кибер», выполняющее функции студенческого центра профилактики киберпреступности. Целями его деятельности являются поиск и отслеживание противоправной информации в сети Интернет, таким образом юные кадры учатся работать и пользоваться мониторингом как неотъемлемым инструментом в своей будущей профессиональной деятельности.

Цифровой мониторинг является одним из действенных методов реализации полномочий прокуратуры по формированию правосознания несовершеннолетних и предупреждению преступлений террористической направленности. Он решает две взаимосвязанные задачи: во-первых, обеспечивает выявление и блокировку противоправного контента; во-вторых, через механизм неотвратимости ответственности способствует правовому воспитанию подростков. Дальнейшее развитие цифрового мониторинга, совершенствование его правового регулирования и методического обеспечения будет способствовать снижению уровня террористических угроз среди молодежи и формированию у подрастающего поколения устойчивого правосознания.

Магомедова Мадина Магомедовна
(ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»)

Научный руководитель: преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»
З.И. Магомедханова

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современном мире информационные технологии и искусственный интеллект переплетаются с каждой сферой общества. Одной из сфер, где эти технологии могут приобрести особую важность, является работа органов прокуратуры.

Прокуратура, как ключевой институт в соблюдении законов и защите прав граждан, стоит перед вызовом адаптировать свою деятельность к цифровой эре. В этом контексте информационное обеспечение становится неотъемлемой частью работы прокуроров.

Одним из ключевых документов, который определяет основные принципы функционирования ИИ в Европе, является принятая 4 декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы Европейская этическая хартия использования ИИ в судебной и правоохранительной системах[1].

В России же впервые термин был упомянут в п. 20 Указа Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» и п. 12 Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

ИИ может использоваться для автоматизации процессов анализа юридических документов, выявления связей между различными случаями, а также для предоставления аналитической информации, которая может быть полезной при принятии решений в расследованиях и судебных процессах.

[1] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 10.02.2024).

Использование ИИ в прокуратуре подразумевает важные правовые и регуляторные аспекты. Существует необходимость в том, чтобы законы соответствовали возможностям, связанным с применением ИИ в данной сфере. Законодатели должны обеспечивать рамки, которые гарантируют законность использования ИИ в работе прокуроров[1].

Одним из таких аспектов является вопрос конфиденциальности данных. Обеспечение безопасности и конфиденциальности этих данных при использовании ИИ становится приоритетным. Необходимо разработать соответствующие законы, которые гарантируют, что данные прокурорской деятельности защищены от несанкционированного доступа и злоупотребления[2].

В современном мире, где информация становится все более объемной и сложной, возможное использование ИИ в прокуратуре представляет собой важный шаг в направлении улучшения эффективности правоприменительной деятельности. Рассуждая о технологиях ИИ, важно понимать, что они далеко не однородны по своим функциональным возможностям.

К сожалению, несмотря на столь перспективные идеи все еще остается множество вопросов относительно использования данного механизма в делах правоохранительных органов. Мы также понимаем, что возможно применение ИИ может заметно изменить все существующие представления о работе прокуроров. Все эти идеи и внедрения мы считаем обязательными к рассмотрению, так как плюсов в данной сфере мы видим больше, чем трудностей, ведь использование ИИ может быть ключом к более эффективной правосудной системе.

[1] Щитова А.А. Риски применения технологий искусственного интеллекта и пути их преодоления // Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции: монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: КноРус, 2021. С. 320–335.

[2] Иванченко Е.А., Кистанова М.А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества // Основы экономики, управления и права. 2020. № 1 (20). С. 7–10.

Погодин Кирилл Сергеевич
заместитель прокурора Бессоновского района Пензенской области, юрист 1 класса

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Уголовная политика должна стремиться к унификации и стандартизации способов применения уголовной репрессии. Эти постулаты необходимо применять и к процессу криминализации так называемых «киберпреступлений».

Современные тенденции свидетельствуют, что в ближайшем будущем каждое из уже существующих преступлений может быть совершено посредством цифровых технологий. Однако это не означает, что в таком случае безусловно возникает новая форма противоправного деяния. Необходимо взвешено подходить к определению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время такие общественно-опасные деяния можно разделить на два вида: преступления в сфере компьютерной информации, видовым объектом которых являются общественные отношения, обеспечивающие информационную безопасность, закрепленные в главе 28 УК РФ; преступления, которые предусматривают использование в процессе совершения информационно-коммуникационных технологий в качестве квалифицирующего признака.

Е.А. Русскевич предлагает собственную классификацию таких преступлений, подразделяя их на компьютерные, компьютеризированные и потенциально компьютеризированные преступления[1].

Актуальная классификация таких преступлений, которая учитывается при заполнении и представлении учетных документов в целях формирования статистической отчетности, содержится в совместном Указании Генпрокуратуры России и МВД России (далее – Указание)[2].

[1] Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 78.

[2] Указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

Примечателен п. 2.2 Перечня № 25 Указания, который к преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, относит, например угрозу убийством (ст. 119 УК РФ), халатность (ст. 292 УК РФ), разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ) и др.

Диспозиции приведенных статей Особенной части УК РФ не содержат признака совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), однако деяния относятся к перечню «киберпреступлений», в случае использования в процессе их совершения сети Интернет, Даркнет, фишингового сайта или ссылки, средств мобильной связи, вредоносных компьютерных программ, «программ-шифровальщиков» и иных цифровых технологий. Отсюда прослеживается четкая градация деяний на три вида:

- IT-преступления – деяния, которые в процессе своего совершения безусловно посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности;
- законодательно признанные альтернативные IT-преступления – деяния, которые при определенных условиях, зависящих от обстоятельств совершения преступления, посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности, что находит свое отражение в диспозиции статьи;
- законодательно не признанные альтернативные IT-преступления – деяния, которые при определенных условиях, зависящих от обстоятельств совершения преступления, посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности, но не признанные таковыми на законодательном уровне.

На наш взгляд, приведенный перечень не является исчерпывающим, что подтверждается, в том числе, ежегодным принятием нового совместного Указания, содержание которого актуализируется на основании мониторинга состояния преступности.

Например, подвергается критике безусловное отнесение к числу IT-преступлений состава, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку оно может совершаться как с использованием сети Интернет, так и без него путем оплаты товаров через эквайринговый терминал.

Дискуссионным также является вопрос о целесообразности криминализации и отнесении к числу киберпреступлений мошен-

ничества с использованием электронных средств платежа и мошенничества в сфере компьютерной информации. Данная проблема обсуждается в научном сообществе с момента введения указанных статей в уголовный закон.

Более того, Верховный Суд РФ фактически признал несостоятельность нормы о мошенничестве с использованием электронных средств платежа, указав, что приведенный состав преступления предполагает изъятие денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица, однако действующими нормативными актами на уполномоченных работников торговых организаций, производящих платежные операции с банковскими картами, обязанность идентификации держателя карты по документам, удостоверяющим личность, не возлагается[1]. В этой связи обмана и злоупотребления доверием как такового быть не может.

При этом криминализация данного деяния была обусловлена использованием банковской карты для оплаты товаров или услуг путем росписи в чеке на покупку от имени владельца средства платежа либо предъявления поддельного паспорта на его имя[2]. Сейчас же идентифицировать личность можно посредством электронного сервиса «Единый портал государственных и муниципальных услуг»[3], а покупки в розницу по большей своей части сменились на заказы в маркетплейсах, где роспись в чеке не требуется. Оцифровка товарооборота привела к тому, что хищения с использованием электронного средства платежа совершаются тайно по отношению к продавцу товара или владельцу карты. Об этом свидетельствует и судебная практика, поскольку такие деяния квалифицируются судами по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Однако несмотря на явную правовую неопределенность и отсутствие устойчивой правоприменительной практики, данные уголовно-правовые нормы остаются частью уголовного закона, что свидетельствует о необходимости изменения действующего законодательства.

[1] Кассационное определение ВС РФ от 4 августа 2022 г. по делу № 44-УД22-21-К7. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/acts?&numberExact=true&actDateExact=off&caseType=CRIMINAL&keywords=159.3%20УК%20РФ (дата обращения: 14.04.2026).

[2] См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Что такое цифровой ID в Max, для чего он нужен и как создать // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6943af059a7947f7f3fddfc6 (дата обращения: 14.04.2026).

Портнова Алина Васильевна
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *О.А. Грачева*

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ И ОЦЕНКЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

В последнее время большую популяризацию получают цифровые технологии. Проекты, являющиеся важнейшим экономическим ресурсом и направленные на извлечение максимальной ценности для государства и бизнеса, все чаще вырываются вперед по сравнению с остальными нововведениями. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ определил ключевые тенденции развития технологий[1]. Например, лидирующие позиции занимают нейронные сети, которые во многом ускоряют развитие алгоритмов и позволяют адаптировать иные прорывные технологии к практическим отраслевым задачам. Цифровая трансформация все больше смещается в сторону практического применения для множества сфер жизни, поэтому популярность набирают аддативные технологии и 3D-печати, так как с их помощью можно выпускать изделия с высокой точностью и малым количеством отходов, ускорять создание прототипов.

Говоря об использовании цифровых технологий возникают различные страхи, которые вполне обоснованы. Но инновационные цифровые технологии берут курс на применение их в реальной жизни в целом ряде отраслей. Об этом упоминается и в Федеральном законе «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[2]. Экспериментальные правовые режимы, то есть применение специального регулирова-

[1] Топ-10 цифровых технологий в России и мире // Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/1000447295.html (дата обращения: 05.10.2025).

[2] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5017; 2025. № 31, ст. 4690.

ния по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций устанавливаются по различным направлениям, таким как: медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья; сельское хозяйство и промышленное производство; производство высокотехнологической продукции. Зачастую эти направления внедряются через создание инновационных проектов.

Инновационный проект представляет собой комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов. Такие проекты характеризуются высоким допустимым уровнем риска, возможностью недостижения запланированного результата, в том числе экономического эффекта от реализации такого проекта, а значит, должны подлежать тщательной оценке эффективности, и даже, научно-технической экспертизе. Проведение данного рода мероприятий регулируется Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[1], приказом Минобрнауки России от 30 сентября 2020 г. № 1249 «Об утверждении порядка проведения научно-технической экспертизы проектов, предлагаемых к реализации в рамках Федеральной научно-технической программы развития синхронных и нейронных исследований и исследовательской инфраструктуры на 2019–2027 годы»[2], а также Правилами оценки эффективности, особенности определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственную поддержку инновационной деятельности, и средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями, и применяемые при проведении такой оценки критерии[3]. Ключе-

[1] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2025. № 26 ч. 1, ст. 3489.

[2] СЗ РФ. 2020. № 13, ст. 1913.

[3] Постановление Правительства РФ от 31 марта 2018 г. № 392 «Об утверждении Правил оценки эффективности, особенностей определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственную поддержку инновационной деятельности, а также средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями, и применяемых при проведении такой оценки критериев» (утратило силу) // СЗ РФ. 2018. № 15, ч. 4, 5, ст. 2158.

выми задачами научно-технической экспертизы и оценки инновационных проектов являются определение их актуальности и целесообразности, оценка имеющегося научного и научно-технического задела, а также соответствия приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации. В рамках этой деятельности также осуществляются мониторинг и контроль целевого использования (расходования) средств государственной поддержки в процессе реализации инновационного проекта. Экспертная оценка базируется на научно-технических, экономических, экологических и социальных показателях.

Прокуратура РФ не остается в стороне при проведении вышеперечисленных мероприятий, однако нормативного урегулирования деятельности прокуратуры в этом вопросе нет. Именно в связи с тем, что оценка эффективности и научно-техническая экспертиза в основе своей проводятся в части целевого использования бюджетных средств можно сделать вывод, что деятельность прокуратуры будет направлена на надзор за исполнением бюджетного законодательства.

Осуществляя надзор за исполнением законодательства при реализации инновационных проектов, прокуроры анализируют деятельность Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) по выявлению и пресечению нарушений в сфере государственных закупок. Согласно Указанию Генерального прокурора РФ от 18 марта 2020 г. № 170/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением требований законодательства о целевом использовании бюджетных средств»[1] прокурорам необходимо обеспечить сбор и анализ сведений о состоянии законности в сфере расходования бюджетных средств. Им также поручено принимать исчерпывающие координационные и надзорные меры для активизации работы правоохранительных и контролирующих органов по выявлению и пресечению правонарушений в названной сфере.

Помимо организации взаимодействия прокурору необходимо обеспечить осуществление эффективного надзора за исполнением законов деятельности поднадзорных объектов. Для этого ему требуются полные данные о запланированных и реализуемых мероприятиях в рамках инновационных проектов, соответствующих нормативных актах, выделенных бюджетных средствах и соблюдении условий софинансирования. Также крайне важна информация

[1] СПС «КонсультантПлюс».

о проводимых закупках, заключенных контрактах и ходе их исполнении, включая сведения о подрядчиках, объемах выполненных работ и соблюдении сроков и условий договоров.

Особую роль необходимо выделить надзору за внедрением искусственного интеллекта в повседневную жизнь. В Положении о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратурой Российской Федерации[1] отводится отдельное место надзору за исполнением законов в сфере информационных технологий и защиты информации. Подразделение, ответственное за этот вид надзора, осуществляет надзор за исполнением законодательства в деятельности федеральных органов исполнительной власти, контрольных (надзорных) органов федерального уровня, их должностных лиц, а также органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций. В полномочия подразделения входит надзор за соответствием издаваемых ими правовых актов в сфере информационных технологий, надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов, государственных, федеральных, целевых программ и выработка мер по предотвращению новых угроз в сфере информационных технологий, информационных систем и защиты информации.

При осуществлении надзора прокурорам необходимо уделять особое внимание законности, полноте и своевременности расходования денежных средств, выделенных из бюджетов всех уровней на реализацию указанных мероприятий, а также межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований, включая исполнение положений Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Для оказания методической помощи Генеральной прокуратурой РФ разработаны методические рекомендации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Рациональным будет также разработка и формирование методических рекомендаций для прокурорских работников по вопросам исполнения законодательства о цифровых инновационных проектов, в том числе по проведению научно-технической экспертизы в этой сфере.

[1] СПС «КонсультантПлюс».

Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о научно-технической экспертизе и оценки инновационных проектов в настоящий момент нормативно не урегулирован, что приводит к значительным трудностям в сфере реализации инновационных проектов. Деятельность прокуратуры направлена, прежде всего, на надзор за исполнением бюджетного законодательства, включая мониторинг научно-технической экспертизы и оценку целевого использования средств государственной поддержки. Важным направлением является анализ деятельности ФАС России по пресечению нарушений в сфере госзакупок. Для эффективного осуществления надзора прокурорам необходимо обладать полной информацией о всех этапах реализации инновационных проектов и активно взаимодействовать с контролирующими органами, руководствуясь Указаниями Генерального прокурора РФ и разработанными методическими рекомендациями.

СЕКЦИОННЫЙ ТРЕК «РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА»

Дрюпина Владислава Борисовна
(ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева»)

Научный руководитель: доцент кафедры прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева», к.ю.н. *Л.В. Потапова*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прокурорский надзор в Российской Федерации выполняет самостоятельную правозащитную функцию в сфере обеспечения и укрепления традиционных семейных ценностей, выступая особым механизмом реализации конституционных гарантий охраны семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленных в ст. 7, 38 и 67.1 Конституции РФ, а также в Семейном кодексе РФ и специальном законодательстве о государственной поддержке семей, имеющих детей. Конституционное закрепление приоритета семьи и демографического развития предопределило формирование целостной государственной семейной политики, опирающейся на принцип приоритета интересов ребенка, поддержку материнства и отцовства, стимулирование рождения и воспитания детей в семье, что выражено в стратегических документах Правительства РФ и системе мер социальной поддержки семей с детьми на федеральном и региональном уровнях.

Существенным направлением прокурорской деятельности выступает проверка исполнения законов о государственной поддержке семей, имеющих детей, которые закрепляют широкий перечень социальных гарантий: ежемесячные выплаты в связи с рождением и воспитанием детей, поддержка многодетных семей, предоставление льгот и субсидий, обеспечение доступа к образованию, медицинской помощи и иным социальным услугам. Практика надзорной деятельности свидетельствует, что наиболее распространенными нарушениями являются задержки при назначении и выплате пособий, отказ в предоставлении мер поддержки по формальным основаниям, игнорирование приоритета семей с детьми при оказании социальных услуг, а также принятие региональных нормативных актов, противоречащих федеральному законодательству. В ответ на такие нарушения прокуроры опротестовывают незаконные акты, вносят представления, добиваются привлечения виновных должностных лиц к ответственности, инициируют перерасчет и выплату причитающихся гражданам средств, что способствует реальному обеспечению социальной защищенности семьи и одновременно укрепляет традиционные семейные ценности как значимую социально-правовую категорию[1].

Особое значение для регламентации надзорной деятельности в рассматриваемой сфере имеет Указание Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2024 г. № 938/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением законов о государственной поддержке семей, имеющих детей», нацеленное на усиление и систематизацию работы прокуроров по защите семей с детьми. Этим документом предписано обеспечить более интенсивный и результативный надзор за исполнением законодательства о поддержке семей, с акцентом на малообеспеченные и многодетные семьи, а также семьи военнослужащих и ветеранов боевых действий, участвовавших в специальной военной операции, что отражает приоритет государственной заботы о семьях, обеспечивающих воспитание детей и сохранение традиционных семейных устоев.

Реализация данного акта усиливает проактивный характер деятельности прокурора: он обязан не ограничиваться реагированием на уже выявленные нарушения, но и заранее выявлять риски ущемления прав семей с детьми на стадии подготовки и реализации государственных и муниципальных программ, принятия нормативных актов и управленческих решений в сфере семейной и демографической политики. Это находит отражение в участии прокуроров в оценке правоприменительной практики по предоставлению мер поддержки семьям участников специальной военной операции, в контроле за исполнением актов Президента РФ и Правительства РФ, направленных на усиление социальной защищенности таких семей, а также в проверках соблюдения принципа

[1] Асташкина Е.Н., Курохтина Е.С. Сущность прокурорского надзора: теоретико-правовые аспекты // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). С. 175.

«семейноцентричности» при реализации национальных проектов и иных стратегических инициатив в социальной сфере. В результате прокурорский надзор приобретает выраженное ценностное измерение, поскольку обеспечение надлежащего исполнения законов о поддержке семей способствует воплощению в правоприменительной практике конституционных ориентиров, связанных с приоритетом семьи, охраной детства и сохранением традиционных семейных ценностей как морально-нравственного основания российского общества.

Научная литература, рассматривающая эволюцию прокурорского надзора в семейно-правовой сфере, подчеркивает возрастающую роль прокуратуры в обеспечении баланса публичных и частных интересов, когда участие государства в семейных отношениях обусловлено необходимостью защиты наиболее уязвимых членов семьи и поддержания устойчивости семейных связей. Исследователи указывают, что меры прокурорского реагирования по делам о соблюдении прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат и иных мер поддержки обладают значительным правозащитным потенциалом, позволяя не только восстанавливать нарушенные права конкретных лиц, но и корректировать региональное правовое регулирование, устраняя пробелы и противоречия, препятствующие эффективной реализации государственной семейной политики[1]. В этой связи важным направлением развития представляется совершенствование методического и нормативного обеспечения надзорной деятельности, укрепление практики обобщения и распространения положительного опыта территориальных прокуратур по защите прав семей с детьми, а также углубление взаимодействия органов прокуратуры с органами государственной власти, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в целях поддержки и сохранения традиционных семейных ценностей.

[1] Гайнов И.Д., Габдрахманов А.Ш., Карнович С.А. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат: типичные нарушения законодательства и их основные причины // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 4 (95). С. 348.

Иванова Светлана Олеговна
(КЮИ (ф) УП РФ)

Научный руководитель: заведующий кафедрой теории и истории государства и права КЮИ (ф) УП РФ, д.ю.н., доцент *Г.Г. Абасов*

ПРОКУРАТУРА И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ОТ НОРМ ПРАВА К НРАВСТВЕННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Прокуратура играет важную роль в направлении патриотического воспитания осуществляя надзор за соблюдением законодательства и защищая права граждан. Одной из первостепенных задач в Российской Федерации на сегодня является патриотическое воспитание. Именно оно способствует у молодого поколения сформировать активную гражданскую позицию, уважение к отечеству и культуре. В условиях геополитической нестабильности и социальной трансформации возрастает значение не только образовательных учреждений, но и государственных структур, которые на ряду с современными вызовами обеспечивают законность и контроль за выполнение воспитательных инициатив.

Регулирование патриотического воспитания строится на основе действующих федеральных законов, а также государственных программ, которые определяют дальнейшее направление воспитательной политики. Особую роль в этом контексте имеет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»[1], где закреплена воспитательная миссия образовательного процесса, включающая привитие обучающимся уважения к истории и государственным ценностям. Кроме того, Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»[2] содержит положения, способствующие развитию военно-патриотической подготовки и воспитания. Эти правовые акты в своей совокупности формируют фундамент, на котором образовательные учреждения и государственные органы строят свою воспитательную работу.

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

Разработка государственных программ. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”»[1], демонстрирует внимание государства к этой сфере. Данный документ заложил основные принципы патриотического воспитания и стал основополагающим для дальнейших инициатив в данной сфере. Важную роль в обеспечении законности реализации этих программ играет прокуратура РФ. Она осуществляет надзор за соблюдением законодательства, в том числе в сфере образования, защищая права и свободы детей и молодежи, а также гарантируя законность проведения патриотических и воспитательных мероприятий[2]. Результаты работы прокуратуры показывают, что выявляются нарушения, препятствующие формированию гражданской позиции, и обеспечивается защита прав учащихся.

Правовые нормы обретают силу нравственных ценностей в сознании молодого поколения через целенаправленные воспитательные программы. Ключевую роль в этом играют образовательные мероприятия, встречи с участниками специальной военной операции, волонтерские проекты и программы внеурочной деятельности.

Таким образом, патриотическое воспитание в России – это комплексное явление, где правовые нормы и воспитательная практика работают в комплексном взаимодействии для формирования у молодежи активной гражданской позиции и прочных нравственных ориентиров. В данной области успешное сотрудничество всех органов и организаций создает все условия для процветания патриотизма, уважения к закону и богатой истории страны.

[1] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Информация о деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением законодательства об образовании // Официальный сайт Генпрокуратуры России. URL: https://genproc.gov.ru/ru/prokuratura/activities/edu/ (дата обращения: 19.03.2026).

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Бокова Евгения Дмитриевна
(ЛЮИ (ф) УП РФ)

Научный руководитель: заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЛЮИ (ф) УП РФ, к.ю.н., доцент *И.А. Побережная*

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ, ПОТЕРЯВШИХ РОДИТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Действующее законодательство о жилищном обеспечении детей-сирот применяет единый правовой механизм ко всем случаям утраты родительского попечения без учета специфики обстоятельств. Гибель родителей в ходе специальной военной операции (далее – СВО) является экстраординарным обстоятельством, требующим иного подхода. Формальное равенство перед законом оборачивается фактическим неравенством для тех, кто потерял близких на войне: процедуры ожидания жилья, постановки на учет и региональной зависимости становятся дополнительным травмирующим фактором. Соответствующие обстоятельства, сами по себе, являются травматичными для физического и психического здоровья детей-сирот, что отягощается потерей жилья, необходимостью преодоления бюрократических препонов[1].

Для сирот – детей участников СВО, с точки зрения юридической психологии, ключевыми деструктивными факторами выступают: посттравматическое стрессовое расстройство – непроизвольные воспоминания о травме, гипервозбуждение, снижение эмоцио-

[1] Чапурко Т.М. Развитие института защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в истории российского государства // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 146–150.

нальной регуляции; правовая депривация – убеждение в недоступности гарантий, утрата доверия к правовой системе; вторичная виктимизация – усугубление страдания из-за бюрократических процедур и бездействия властей. Наложение этих феноменов на необходимость стоять в очереди на жилье (растянутой на годы) и быть привязанным к региону порождает ощущение беспомощности и несправедливости.

Проведенный контент-анализ (52 документа, 97 000 слов, 1 011 смысловых единиц) показывает, что проблема очереди и региональной зависимости устойчиво присутствует в публичном дискурсе и обращениях граждан. Инертность правоприменительной системы и неравенство субъектов РФ формируют психологический барьер, препятствующий конструктивному взаимодействию с правовой системой.

Здесь раскрывается ключевая роль органов прокуратуры. Прокуратура – единственный орган, способный не только выявлять нарушения, но и устранять их первопричины, включая психологические аспекты. Во-первых, через надзор и разъяснительную работу прокуратура осуществляет психопрофилактическую функцию, снижая правовую неопределенность и предотвращая правовую депривацию[1]. Во-вторых, обращаясь в суд в защиту прав ребенка-сироты, прокурор прерывает механизм вторичной виктимизации: вместо многомесячных самостоятельных хождений по инстанциям заявитель получает оперативное решение, восстанавливающее чувство справедливости. В-третьих, прокуратура может реализовать право законодательной инициативы, устранив тем самым нормативные причины психологических проблем.

Традиционные меры реагирования в нашем случае имеют точечный эффект, но системная проблема очереди и региональной зависимости требует изменения нормативной архитектуры. Исходя из данных контент-анализа, предлагается введение федерального жилищного сертификата целевого назначения с прямым федеральным финансированием. Этот инструмент преодолевает два ключевых недостатка: зависимость от регионального бюджета (устраняется федеральным финансированием) и длительное ожидание (устраняется внеочередным предоставлением). Сертификат дает возможность приобрести жилье в любом субъекте РФ,

[1] Ережипалиев Д.И., Огурцова М.Л. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 2 (88). С. 45.

восстанавливая чувство контроля над жизнью, утраченное после травмы.

Для этого требуется внести изменения в Федеральный закон № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»: в ст. 1 в части определения сертификата как именного документа на безвозмездную выплату, не подлежащего отчуждению; дополнить новой ст. 6.2, предусматривающей возможность использования в любом субъекте РФ; ст. 10 в части осуществления федерального контроля. В Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ необходимо ввести новую ст. 8.2, предусматривающую внеочередное и безусловное право на получение жилья или сертификата для сирот – детей участников СВО. Также требуется расширить перечень получателей сертификатов в постановлении Правительства РФ № 153.

Роль прокуратуры не исчерпывается инициированием изменений. После их принятия прокуратура продолжит осуществлять надзор за сроками выдачи сертификатов, соответствием их номинальной стоимости рыночным ценам и недопущением дискриминации при выборе региона приобретения жилья. Прокуратура превращает абстрактную правовую норму в работающий механизм, снимающий психологические барьеры.

Предлагаемый законопроект решает три ключевые задачи: устранение фактора неопределенности (сертификат выдается в короткие сроки, предотвращая хроническую фрустрацию); снятие региональной зависимости (восстанавливается равенство перед законом); исключение необходимости самостоятельных судебных процедур (предотвращается вторичная виктимизация). Активная позиция прокуратуры – от надзора до инициирования кардинального обновления законодательства – превращает юридические гарантии в реальную защиту, восстанавливая психологическое благополучие и доверие к государству у детей, потерявших родителей в период специальной военной операции.

Третьяков Егор Андреевич
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *О.В. Домнина*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ И СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

Высокий уровень эмоционального интеллекта является ключевым фактором успеха в современном мире. Ускоренный ритм жизни и глобальные вызовы – от экономических до экологических – создают огромную нагрузку на психику. Этого требует необходимость поиска новых адаптационных механизмов, направленных на сохранение ментального и физического здоровья, а также поддержания высокого качества жизни.

Специфика профессиональной среды следственных работников характеризуется высокой степенью неопределенности, конфликтности и психоэмоционального напряжения. К тому же данная профессия относится к социономическому типу «человек – человек», где ключевым аспектом деятельности является постоянное межличностное взаимодействие, и нередко с лицами, представляющими опасность для общества. Именно поэтому для сотрудников следствия важно иметь развитый эмоциональный интеллект.

В 2004 г. Д.В. Люсиным была предложена новая модель эмоционального интеллекта, который определился как способность к пониманию своих и чужих эмоций, а также управление ими. По мнению автора, эта способность охватывает как собственные переживания, так и эмоции окружающих[1]. Эмоциональный интеллект рассматривается как свойство психики, формирующееся в течение жизни под влиянием разнообразных факторов, обуславливающих его индивидуальные особенности и уровень развития. И.Н. Андреева, в свою очередь, определяет эмоциональный интеллект как «устойчивую ментальную способность, часть обширного класса

[1] Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Макс Принт, 2004. С. 29–36.

ментальных способностей», и предлагает рассматривать его как структуру социального интеллекта. Структура эмоционального интеллекта, по Андреевой, включает способности к осознанной регуляции эмоций, их пониманию, ассимиляции в мышлении, а также различению и выражению эмоций[1]. Указанные компоненты влияют на успешность межличностного взаимодействия.

Эмоции имеют большое значение в жизни каждого человека, и деятельность следователей не является исключением. Большинство психологов признают значимую роль эмоций в регуляции человеческой деятельности, поскольку подлинные мотивы поведения зачастую скрыты от сознания людей, тогда как сопутствующие им эмоции переживаются отчетливо и выступают для человека ориентирами в жизни и профессиональной деятельности. Здесь важно научиться анализировать собственные эмоции и реакции на различные ситуации, складывающиеся в процессе осуществления расследования преступлений, а также отточить умение понимать эмоции сторонних людей (свидетелей, подозреваемых, потерпевших).

Так, специальная литература содержит рекомендации по применению эмоционального интеллекта в тактике следственных действий. На стадии установления психологического контакта умение следователя использовать эмоциональный интеллект проявляется в наибольшей степени. Управление эмоциями других имеет существенное значение при проведении различных следственных мероприятий[2]. Например, на очной ставке задача следователя заключается в создании такой атмосферы, чтобы допрашиваемые лица не имели возможности сговариваться. Напротив, следователю необходимо стимулировать их к открытому, эмоциональному и неконтролируемому проявлению чувств, что может способствовать раскрытию ранее скрываемой правды. Или при проведении опознания живых лиц важен анализ эмоционального состояния как опознающего, так и опознаваемого. Опознающий, например, может заявить, что не узнает никого из представленных лиц из-за страха перед потенциальным преступником. Признаки такого страха и неуверенности важно распознавать еще на стадии подготовки к следственному действию, чтобы своевременно принять меры, исключающие визуальный контакт с объектом, вызывающим переживания.

[1] Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.

[2] Криминалистика: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 928 с.

Существует три группы рекомендаций по использованию эмоционального интеллекта следователем. К первой относится постоянный мониторинг собственных состояния, эмоций и реакций, это важно на любой стадии расследования, так как лишние переживания или чувства могут негативно повлиять на его ход. Вторая группа ознаменовывает рабочие взаимоотношения, они не менее значимы для эффективного осуществления деятельности, хотя бы в части поддержки и помощи коллег. И третья группа связана с анализом эмоциональных состояний участников расследования. Важно продумывать в какой обстановке, в какое время будет допрашиваться конкретное лицо, чтобы положительно расположить к прямому взаимодействию и настроить на раскрытие достоверных фактов. Все эти рекомендации подтверждают высказывание о том, что эмоциональный интеллект является качеством не врожденным, а приобретенным со временем.

Развивать навыки осознания своих чувств, умение управлять ими и понимать эмоции других в литературе предлагается различными способами. Например, чаще анализировать собственные переживания и реакции, чаще задавать вопросы «что я сейчас чувствую?», «почему я чувствую именно это?». Важно не подавлять собственные эмоции, а учиться принимать их как важную информацию. Немало важным является понимать точку зрения других, а также анализировать язык тела и жесты.

Таким образом, развитый эмоциональный интеллект повышает эффективность деятельности, ведь чем лучше человек осознает свои и чужие эмоции, понимает причины их возникновения, анализирует реакции организма, тем больше у него данных для принятия верного решения. В особенности это важно в процессе сбора фактов и доказательств по расследуемому делу, а также при защите и соблюдении прав участников (свидетелей, потерпевших, подозреваемых). Помимо этого, он необходим для контроля личных переживаний, так как вовремя замеченное колебание помогает преодолеть возможный стресс, профессиональное и эмоциональное выгорание, разрешить возможные конфликты с коллегами.

Шепилова Мария Викторовна
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *О.В. Домнина*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛЯЦИИ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕФОРМАЦИЙ

Мораль как система ценностей и норм традиционно выступает фундаментальным регулятором общественных отношений, выполняя функцию неформального социального контроля. Однако в правоприменительной деятельности, особенно в органах прокуратуры, она перестает быть лишь делом личного выбора и приобретает статус государственной значимости.

Прокурорская деятельность, будучи связанной с защитой прав граждан и реализацией публичных интересов, предъявляет повышенные требования к личности сотрудника. Психологическая специфика профессии проявляется в том, что частная жизнь работника прокуратуры не остается исключительно его личным делом, а попадает в сферу служебного внимания. Как отмечают специалисты в области юридической психологии, в отличие от большинства профессий, где человек оставляет рабочие функции за порогом служебного кабинета, прокурор остается носителем своего статуса и во внеслужебное время. Именно поэтому морально-этические качества становятся здесь ключевым элементом профессиональной пригодности.

В отличие от обычных граждан, для которых мораль является преимущественно вопросом самоконтроля, для прокурорских работников нравственные императивы приобретают императивное, законодательно закрепленное выражение. Система нормативного регулирования в данной сфере включает в себя несколько уровней.

Во-первых, основополагающие требования закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации»[1]. Ста-

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

тья 40.1 данного закона устанавливает не только формально-юридические критерии (наличие высшего юридического образования, гражданство, возраст), но и требования о необходимости обладать «необходимыми моральными качествами» и состоянием здоровья, позволяющим исполнять служебные обязанности. С психологической точки зрения, данная формулировка предполагает диагностику нравственной зрелости личности, что является сложной задачей ввиду субъективности оценочных критериев.

Во-вторых, детальная регламентация поведения содержится в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации[1]. Данный документ обязывает сотрудника в служебной и внеслужебной деятельности соблюдать конституционные основы, принципы равенства, сохранять личное достоинство и не совершать поступков, дающих основание сомневаться в его честности и порядочности. Преамбула Кодекса фиксирует такие требования, как неподкупность, ориентированность на принципы законности, справедливости, независимости, объективности и гуманизма.

В-третьих, символическим и психологически насыщенным регулятором выступает Присяга прокурора. Текст Присяги: «постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры»[2] – выполняет функцию психологического принятия ответственности перед государством и обществом.

Несмотря на развитую нормативную базу, анализ правоприменительной практики и данные психологических исследований выявляют ряд системных противоречий. Первая проблема носит субъективный характер, коренящийся в психологии участников правоотношений. Оценка нравственного облика сотрудника зачастую осуществляется на основе показаний граждан, что создает риски как клеветы, так и субъективной интерпретации слов или действий прокурора. Ограниченность инструментов доказывания в сфере морали делает эту сферу уязвимой. Согласно исследованиям в области юридической психологии, эффективность этического регулирования снижается из-за феномена «психологической защиты» сотрудника, а также из-за возможных коммуникативных барьеров между прокурором и заявителем[1]. Вторая проблема обусловлена концептуальным расхождением норм права и норм морали. В правоприменительной практике нередки ситуации, когда формально законное действие (или бездействие) оценивается обществом как аморальное, и наоборот. Отсутствие гармонизации между юридическими и нравственными регуляторами снижает воспитательный потенциал обоих средств. Как отмечает В.М. Артемов, рассогласование правового и морального сознания в корпоративной среде ведет к профессионально-нравственной деформации личности[2].

Учитывая обозначенные противоречия, возникает необходимость пересмотреть подходы к управлению морально-этической сферой в органах прокуратуры. В первую очередь требуется конкретизировать основания юридической ответственности: необходимо четко сформулировать в нормативных актах, какие именно нарушения этических норм влекут за собой те или иные дисциплинарные взыскания. Когда правовая основа оперирует однозначными, формализованными критериями, исключающими двойное толкование, существенно снижается влияние субъективного фактора при решении вопроса о наказании сотрудника.

Кроме того, вместо того чтобы создавать новые бюрократические структуры, целесообразно сделать ставку на развитие психологической службы органов прокуратуры. Если встроить функции психологического мониторинга в работу кадровых подразделений, это позволит не просто формально оценивать поведение сотрудников, а подойти к вопросу глубже: использовать методы психологической диагностики для анализа соответствия поведения работника требованиям Кодекса этики, рассматривать жалобы граждан не только с правовой, но и с позиции психологической экспертизы коммуникативных актов, а также выявлять предрасположенность к девиантному поведению на ранних стадиях, что станет эффективной профилактикой коррупционных проявлений.

[1] Приказ Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 21 июля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Генпрокуратуры России от 28 июня 2010 г. № 253 «О порядке принятия Присяги прокурорского работника» (в ред. от 6 августа 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[1] См.: Еникеев М.И. Психология прокурорской деятельности. М.: Юрайт, 2022.

[2] См.: Артемов В.М. Правовой и нравственный аспекты деятельности прокурора: проблемы соотношения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2021. № 3 (77). С. 24–29.

Современные тенденции развития государственной службы требуют смещения акцента с декларативных норм на внедрение психологических механизмов саморегуляции. Формирование устойчивого профессионально-нравственного иммунитета у прокурорских работников возможно лишь при условии интеграции правовых требований с системой непрерывного психологического сопровождения.

Таким образом, морально-этические основы службы в органах прокуратуры представляют собой сложный междисциплинарный институт, находящийся на стыке права и психологии. Совершенствование данной сферы должно идти не по пути ужесточения формальных запретов, а через гармонизацию правовых норм и моральных ценностей, а также внедрение научно обоснованных методов отбора и психологической поддержки персонала.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Бегиев Альфред Эдуардович
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *Н.В. Спесивов*

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА ПРИ НЕКОТОРЫХ КОМПРОМИССНЫХ СПОСОБАХ (ОСНОВАНИЯХ) ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Конституция РФ в ст. 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а ст. 52 гарантирует потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба[1].

Среди многочисленных компромиссных оснований прекращения уголовного дела наиболее ярко проблема баланса интересов проявляется при применении двух относительно новых институтов. Первый – освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы (ст. 78.1 УК РФ[2], ст. 28.2 УПК РФ[3]). Второй – прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ).

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2026. № 8, ст. 773.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2026. № 8, ст. 774.

Принятие Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ[1] привело к включению в УК РФ ст. 78.1 и 80.2, а в УПК РФ – ст. 28.2 и ряда других правовых норм. Существенной особенностью итоговой редакции данного закона стало значительное расширение круга лиц, подлежащих освобождению, по сравнению с первоначальным законопроектом. Т.И. Гарипов и И.Б. Дворянов обращают внимание на то, что в изначальном тексте законопроекта № 569651-8 рассматриваемое основание распространялось исключительно на лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, однако в ходе обсуждения в Государственной Думе эти ограничения были сняты, и возможность освобождения распространилась на преступления любой категории тяжести, за исключением узкого перечня[2]. Подобное решение вызывает опасение, так как лица, обвиняемые в убийствах, разбоях и иных тяжких насильственных преступлениях, получили возможность избежать уголовной ответственности, что ставит под угрозу реализации превентивной функции уголовного закона.

Центральной проблемой рассматриваемого института является игнорирование интересов потерпевших. Д.Ю. Гончаров и С.Г. Гончарова показывают, что новый закон не предусмотрел каких-либо специальных механизмов возмещения вреда, причиненного противоправными действиями лиц, освобождаемых по новым основаниям, указав лишь, что соответствующие вопросы «разрешаются в порядке гражданского судопроизводства»[3]. Между тем перенос обязанности доказывания на потерпевшего в гражданском процессе осложняет реализацию его права на возмещение ущерба, особенно когда расследование не завершено, обвинительный приговор не вынесен и преюдиция в принципе отсутствует.

Таким образом, потерпевший оказывается полностью исключен из процесса принятия решения, затрагивающего его конституционные права. Так, А.С. Колосов утверждает, что целесообразным будет создание механизма удержания средств из денежного содержания обвиняемых и осужденных, заключивших контракт, в счет возмещения вреда потерпевшим, а в случае гибели военнослужащего – возмещения вреда за счет федерального бюджета[1].

Важным является вопрос о соблюдении баланса интересов применительно к институту судебного штрафа, введенному в 2016 г. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ[2]. Одна из ключевых проблем практики назначения судебного штрафа связана с тем, что критерии достаточности заглаживания вреда четко не определены. Это порождает существенное расхождение судебной практики. Е.В. Новикова приводит показательные примеры: по одному делу незаконная рубка лесных насаждений с ущербом в 149 711 руб. повлекла назначение судебного штрафа в 10 000 руб., тогда как по аналогичному делу с ущербом в 83 398 руб. штраф составил 400 000 руб.[3]

Процессуальное положение потерпевшего при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа вызывает не менее серьезные нарекания. В отличие от примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), при назначении судебного штрафа согласие потерпевшего процессуально не требуется, а его мнение о полноте возмещения вреда может быть проигнорировано судом. Это порождает асимметрию процессуальных позиций потерпевшего и обвиняемого[4].

Таким образом, оба рассмотренных основания прекращения уголовных дел содержат дефекты, подрывающие баланс интересов личности и государства. Освобождение в связи с военной службой нуждается в ограничении круга субъектов преступлениями не-

[1] Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1687.

[2] Гарипов Т.И., Дворянов И.Б. Концептуальные основы освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 4 (58). С. 64–70.

[3] Гончаров Д.Ю., Гончаров С.Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 103–113.

[1] Колосов А.С. Актуальные проблемы применения законодательства об особенностях освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, и перспективы его совершенствования // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2 (75). С. 157–162.

[2] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27, ч. 2, ст. 4256.

[3] Новикова Е.В. Судебный штраф: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 44–52.

[4] Казарин Д.М., Рябчиков В.В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего при прекращении уголовного дела // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 139–141.

большой и средней тяжести, во введении обязательного учета мнения потерпевшего и в создании компенсационного фонда. Институт судебного штрафа требует нормативного закрепления критериев достаточности заглаживания вреда, обеспечения определяющей роли позиции потерпевшего при оценке полноты возмещения и усиления прокурорского надзора при направлении соответствующих ходатайств в суд.

Газимагомедова Патимат Газимагомедовна
(ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)» *Е.А. Кухтяева*

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Противодействие преступности является одной из важнейших функций государства, реализуемых через систему правоохранительных органов. Особое место в этой системе занимает прокуратура РФ, наделенная уникальным набором полномочий, позволяющих ей влиять на все стадии уголовного судопроизводства и координировать деятельность иных органов, ведущих борьбу с преступностью.

УПК РФ наделяет прокурора широкими властными полномочиями, реализуемыми как на досудебных, так и на судебных стадиях. На досудебных стадиях прокурор реализует две основные функции: надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, а также уголовное преследование.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия[1].

В судебных стадиях прокурор реализует функцию поддержания государственного обвинения, что является непосредственным продолжением уголовного преследования, начатого на досудебных стадиях. Поддержание обвинения – это деятельность прокурора, направленная на доказывание перед судом виновности подсудимого в совершении преступления и обоснование необходимости назначения справедливого наказания.

Особое место в деятельности прокурора по противодействию преступности занимает координация работы правоохранительных

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 51, ст. 7973.

органов. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»[1], Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов.

Координационная деятельность прокурора включает: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; совместные выезды в регионы для проведения согласованных мероприятий и пр. Цифровизация общественных отношений и появление новых видов преступлений ставят перед прокуратурой новые задачи. Важным направлением является расширение использования информационных технологий в прокурорской деятельности, включая автоматизированный анализ поступающих сообщений о преступлениях, мониторинг состояния законности с использованием цифровых платформ.

В феврале 2026 г. в Государственную Думу РФ внесен законопроект, предусматривающий наделение органов прокуратуры правом постоянного, в том числе удаленного, доступа к информации, содержащейся в государственных информационных системах[2]. Это позволит прокурорам оперативно выявлять нарушения и реагировать на них в режиме реального времени.

Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта в аналитическую работу прокуратуры. Как отмечалось при обсуждении кандидатуры на пост Генерального прокурора РФ, «эти технологии не должны подменять собой человеческое решение должностного лица, его персональную ответственность»[3].

К числу проблем, требующих решения, относятся: недостаточная подготовленность кадров к работе с цифровыми технологиями; необходимость обеспечения информационной безопасности;

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

[2] Прокурорам могут упростить доступ к государственным базам данных // РАПСИ. URL: https://www.rapsinews.ru/legislation_news/20260218/311615649.html (дата обращения: 05.03.2026).

[3] Хачикян О.Э. Прокурор в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы и перспективы участия в цифровом уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2025. № 42 (593). С. 301–303.

выравнивание уровня цифрового оснащения органов прокуратуры в различных регионах.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что прокурор играет ключевую роль в системе противодействия преступности, реализуя комплекс уголовно-процессуальных полномочий на всех стадиях уголовного судопроизводства. Надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, поддержание государственного обвинения, координация деятельности правоохранительных органов – все эти функции направлены на обеспечение неотвратимости ответственности за совершенные преступления и защиту прав граждан.

Представляется, что дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, расширение возможностей использования информационных технологий и усиление координационной функции прокуратуры будут способствовать повышению эффективности противодействия преступности и укреплению законности.

Гребенюк Анна Евгеньевна, Степанец Александр Павлович
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева ФГБОУ ВО «СГЮА» *А.Н Фролов*

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

В настоящее время при расследовании преступлений все чаще возникает необходимость применения новых нетрадиционных методов и приемов собирания и исследования доказательств. Это прежде всего связано с достижениями научных знаний и возможностью получения достоверных сведений на первоначальном этапе расследования преступлений. В криминалистике под нетрадиционными методами понимают психологические ловушки и следственные хитрости[1] или же определяют их как методы, которые не прошли апробации и не имеют научной обоснованности и, соответственно, не вошли в следственную практику[2]. Полагаем, что к первому суждению следует отнести нетрадиционные приемы, позволяющие эффективно оказать воздействие на допрашиваемого. Считаем, что нельзя относить к нетрадиционным методам лишь те, что не прошли апробации, поскольку существуют методы, которые научно разработаны, апробированы, но редко используются в следственной практике и, в связи с этим, не могут получить широкого признания.

К нетрадиционным методам относят использование гипноза при проведении допроса, а к тактическим приемам – создание запахового или музыкального фона.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, запрещающие применение новых криминалистических методов, но в то же время и не предусматривается применение гипноза при допросе. Между тем п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств закрепляет заключение и показания

[1] См.: Китаев Н.Н. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2016. № 4 (24). С. 48.

[2] См.: Протопопов А.Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2015. № 4. С. 5.

специалиста. В связи с этим думается, что при проведении допроса с гипноза результаты могут быть оформлены заключением специалиста.

Репродуктивный гипноз позволяет ввести человека в бессознательное состояние с целью получить информацию, к которой у допрашиваемого лица (потерпевший, свидетель) нет доступа в силу различных психофизиологических состояний.

В юридической науке существует немало дискуссий по вопросу признания результатов гипноза допустимым доказательством. Одна группа ученых утверждает, что гипнорепродукция является разновидностью допроса, соответственно, уголовно-процессуальному закону противоречить не может[1]. Наиболее эффективным будет его применение при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений при условии добровольного согласия допрашиваемого лица[2]. Существует и противоположное мнение, а именно, «гипноз – это самая сильная форма психического насилия над допрашиваемым»[3], поскольку негуманно и неэтично оказывать воздействие на находящегося в беспомощном состоянии человека[4]. Не исключается вероятность того факта, что свидетель или потерпевший при даче показаний под гипнозом в последующем может приобрести статус подозреваемого.

Считаем, что данный метод допустим в расследовании преступлений и будет применим по отношению к свидетелям и потерпевшим лишь при их согласии, и только после ознакомления допрашиваемого с перечнем задаваемых вопросов. Такая ситуация предоставляет возможность допрашиваемому отказаться от ответа на некоторые из них. Процедура проводится судебным экспертом психиатром под видеозапись, по окончании составляет заключение.

Известен случай применения гипноза в следственной практике: потерпевший посредством гипноза смог составить рисованный портрет нападавшего. При предъявлении указанного портрета преступник сознался в содеянном и предоставил сведения о соу-

[1] См.: Сироткин Л.И. Нетрадиционные направления криминалистики // Вестник юридического института. Чебоксары, 2002. № 2. С. 40–41.

[2] См.: Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. № 4. С. 49.

[3] См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователя. М.: НИиРИО ВШ МООП СССР, 1967. С. 164.

[4] См.: Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК, 1996. С. 133.

частниках[1]. Таким образом, в случаях, когда ассоциативные приемы не срабатывают на память допрашиваемого, процедура гипноза позволит простимулировать сознание человека и дать необходимые сведения о произошедшем событии или личности.

Переходя к нетрадиционным приемам, следует отметить, что у каждого человека есть тот или иной предпочитаемый запах или музыкальное произведение. Они позволяют вызвать у человека чувства воодушевления, безопасности, воспоминания счастливых моментов из жизни, в том числе из детства и т.д. Информация о любимых запахах и мелодиях позволит следователю при повторном допросе расположить допрашиваемое лицо к даче показаний и получить от него интересующие сведения.

Важно при первом допросе лица или его близких родственников выяснить его музыкальные предпочтения и не имеет ли он аллергических реакций на некоторые ароматы. Применение данных приемов будет эффективно в отношении подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, которые изолированы от окружающего мира.

Применение новых методов и приемов будет способствовать получению доказательств и скорейшему достижению целей доказывания в уголовном процессе.

[1] См.: Свидетели под гипнозом // Официальный сайт СУ СК РФ по Омской области. URL: https://omsk.sledcom.ru/folder/876755/item/1511905/ (дата обращения: 13.03.2026).

Коноплева Елена Олеговна
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского»)

Научный руководитель: заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», к.ю.н., доцент *С.А. Полунин*

КОНФЛИКТ НАДЗОРНОЙ И ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОКУРОРА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Несмотря на неоднократные реформы правового статуса прокурора, его участие в уголовном процессе неизменно остается ключевым элементом обеспечения законности. Изначально основной была надзорная функция, к которой впоследствии добавились обвинительная и координационная, что обусловило сложный характер его статуса.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ст. 37 УПК РФ)[1]. Данная нормативная конструкция отражает преемственность с советской моделью уголовного процесса. Вместе с тем современное законодательство усилило значение обвинительной функции, что нашло отражение в закреплении уголовного преследования в качестве одной из основных функций прокуратуры наряду с надзором. Это привело к тому, что функция, с одной стороны приобрела статус государственной, тем самым показывая особое место прокуратуры в рамках осуществляемой ей функции уголовного преследования[2], а с другой стороны, одновременно обострила внутренние противоречия статуса прокурора.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 51, ст. 7973.

[2] Титова А.А., Лиходаев Е.Г. Отдельные аспекты статуса прокуратуры в контексте Конституционной реформы 2020 года // Вестник СГЮА. 2023. № 2 (151). С. 214–221.

Реформа 2007 г. существенно изменила статус прокуратуры, исключив из ее полномочий ряд процессуальных действий по руководству следствием и передав соответствующие полномочия руководителям следственных органов. В результате возникла дуалистическая конструкция: прокурор сохранил функции надзора и поддержания обвинения, но утратил возможность прямого влияния на ход расследования, что актуализировало дискуссии о возвращении к концепции прокурорского следствия.

Следовательно, правовой статус прокурора в современный период отличается дуализмом, выражающимся в необходимости совмещения функции обеспечения законности с функцией уголовного преследования. Реализация надзорных полномочий требует беспристрастности, тогда как обвинительная деятельность объективно предполагает заинтересованность в подтверждении виновности лица, что обусловливает наличие внутреннего противоречия.

Наиболее ярко указанный конфликт проявляется на досудебных стадиях уголовного процесса: формально прокурор призван быть гарантом законности и процессуального баланса, однако фактическое ограничение его полномочий в досудебной стадии приводит к размыванию надзорной функции.

В судебной стадии обвинительная функция прокурора выступает на первый план, однако сложившаяся ранее позиция может затруднять беспристрастную оценку доказательств, что усугубляет внутренний конфликт между его функциями.

Совмещение функций влечет объективные уголовно-процессуальные ограничения: риск обвинительного уклона, зависимость от результатов предварительного расследования и возможность формального надзора. Указанные ограничения снижают эффективность прокурорского контроля и качество уголовного преследования, что актуализирует необходимость обеспечения баланса между различными направлениями деятельности прокурора.

Одним из таких механизмов обеспечения баланса выступают криминалистические средства, которые позволяют повысить объективность и обоснованность принимаемых решений. Применение тактических приемов анализа доказательств способствует выявлению противоречий и устранению пробелов в доказательственной базе. Использование алгоритмов оценки доказательственной информации обеспечивает системность и последовательность деятельности прокурора, снижая влияние субъективных факторов. Организационные методики, включая рациональное распре-

деление обязанностей и налаживание эффективного взаимодействия с органами расследования, повышают качество надзорной деятельности. Кроме того, криминалистическое прогнозирование позволяет заранее выявлять возможные ошибки и нарушения, что способствует их своевременному устранению.

Таким образом, исследование роли прокурора в уголовном процессе Российской Федерации показывает, что статус этого института сформировался на пересечении двух разнонаправленных начал – функции государственного обвинения и функции надзора за законностью[1]. Объективный конфликт надзорной и обвинительной функций неустраним, но его негативные последствия минимизируются за счет совершенствования процессуального регулирования, развития криминалистических средств и усиления правозащитной функции прокурора. В связи с этим развитие статуса прокурора должно осуществляться через формирование правовых инструментов, сочетающих результативность уголовного преследования с защитой прав личности как необходимое условие реализации конституционной роли прокуратуры по обеспечению верховенства закона и справедливости.

[1] Бегова Д.Я., Саидов Г.С. Роль прокурора в уголовном процессе Российской Федерации: нормативная модель и функциональные противоречия // Human Progress. 2025. № 9. С. 1–9.

Сайфутдинова Линара Маратовна
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *М.А. Баранова*

НАДЗОР ПРОКУРОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ ХОДАТАЙСТВ

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность ограничения конституционных прав подозреваемого или обвиняемого лица (ст. 2, 22 Конституции РФ) путем применения мер пресечения. В соответствии со ст. 97 УПК РФ, данные меры носят преимущественно пресекательный характер, поскольку направлены на то, чтобы не допустить совершения лицом новых преступлений, воспрепятствовать производству по уголовному делу, уклонение от правосудия, оказание воздействия на других участников процесса. Несмотря на то, что применение таких мер зачастую рассматривается как способ предотвращения возможных негативных правовых последствий, их природа, в первую очередь, обусловлена необходимостью пресечения конкретных неправомерных действий участников процесса. Однако на практике избрание мер пресечения, особенно связанных с ограничением свободы передвижения, сопряжено с рядом проблем, в первую очередь касающихся обоснованности ходатайств органов предварительного расследования. В этом контексте надзор прокурора выступает ключевым институтом, призванным обеспечить законность и соблюдение прав личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Анализ судебной статистики и правоприменительной практики свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к формальному подходу при решении вопроса об избрании меры пресечения. Исследователи обращают внимание, что суды удовлетворяют подавляющее большинство ходатайств следственных органов. Так, И.Д. Мальцагов и О.Х. Штымова указывают, что суды отказывают в удовлетворении ходатайств «лишь в 2 % случаев, в связи с чем судебный контроль за избранием мер пресечения является неэффективным»[1]. Столь высокий процент удовлетворения ходатайств

[1] Мальцагов И.Д., Штымова О.Х. Прокурорский надзор за избранием мер пресечения // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 162–164.

вовсе не свидетельствует о безупречном качестве материалов, поступающих в суд.

Ярким примером необоснованности ходатайства является решение Тушинского районного суда г. Москвы (дело № 10-7930/2024[1]), где следователь и прокурор настаивали на аресте, аргументируя это наличием у обвиняемого загранпаспорта и тяжестью статьи. Однако суд отказал в аресте, указав, что следствие не представило ни одного реального доказательства того, что лицо намерено скрыться, а сам факт наличия паспорта не является основанием для СИЗО.

Аналогично, в практике Ртищевского районного суда Саратовской области (2023) было отказано в аресте лица, подозреваемого в незаконном хранении оружия, так как выяснилось, что пистолет был выдан лицу официально в зоне СВО, а прокурор и следователь даже не потрудились проверить предоставленные документы перед выходом в суд[2].

Одной из главных проблем является недостаточная проработка следователями оснований для избрания меры пресечения и формальный надзор со стороны прокурора. Как отмечают Д.У. Ахмедова и И.С. Садикова, зачастую при вынесении решений об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу не дается «индивидуальная оценка личной ситуации каждого из обвиняемых, т.е. не учитывается, например, личность виновного»[3].

Роль прокурора в данном процессе противоречива. С одной стороны, он осуществляет надзор за законностью действий органов предварительного расследования, а с другой – поддерживает в суде ходатайство об избрании меры пресечения, выступая на стороне обвинения. В соответствии со ст. 37 УПК РФ, прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Одна-

[1] Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/dc8184e0-f1be-11ee-a3e9-95a7f62c0e00 (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Саратовской области меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести за 2023 год // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=7 (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Ахмедова Д.У., Садикова И.С. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Закон и право. 2021. № 1. С. 44–46.

ко, как справедливо отмечает К.А. Корчагина, действующее законодательство не дает четкого определения границ и полномочий прокурора, что «создает сложности в правоприменении и научных исследованиях, что в итоге сказывается на эффективности уголовного преследования и защиты прав граждан»[1]. Ослабление надзорной функции прокурора, особенно после реформы 2007 г., лишившей его права давать следователю обязательные для исполнения письменные указания, привело к тому, что прокурорский надзор во многом стал носить последующий, а не превентивный характер.

Так, прокурор, давая согласие на возбуждение перед судом ходатайства следователя, зачастую не имеет реальных рычагов для того, чтобы заставить следствие более тщательно проработать его обоснование. П.В. Трубицина подчеркивает, что прокурор наделен перечнем прав при реализации механизма избрания и применения мер пресечения, однако эффективность их использования на практике остается под вопросом[2]. Проблема усугубляется тем, что ходатайство следователя до поступления к прокурору уже получает согласие руководителя следственного органа, что превращает прокурорскую проверку в дополнительный, порой формальный, этап.

Недостатки надзора и формальный подход следствия к ходатайствам регулярно пресекаются вышестоящими судами. Показательным является постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2024 г. № 77-293/2024[3]. Суд отменил незаконный арест несовершеннолетнего, поскольку в нарушение ст. 423 и 105 УПК РФ следствие и прокурор не рассмотрели возможность передачи подростка под присмотр родителей. Формальная оценка личности и отсутствие исключительных обстоятельств привели к необоснованному ограничению свободы. Так, прокурор должен требовать жесткой индивидуализации обстоятельств до направления материалов в суд.

Особую тревогу вызывают случаи, когда прокурорский надзор становится настолько формальным, что допускается заключение

[1] Корчагина К.А. Надзор прокурора за органами предварительного расследования: понятие, предмет и содержание // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 4. С. 84–92.

[2] Трубицина П.В. Роль прокурора при осуществлении надзора за законностью применения мер пресечения // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека. Ставрополь: Фабула, 2021. Вып. 5. С. 130–135.

[3] Журнал «Уголовный процесс». URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=100864076&forceDeviceType=1 (дата обращения: 02.03.2026).

под стражу лиц, в отношении которых закон прямо это запрещает. Так, в справке Саратовского областного суда за 2023 г. зафиксирован случай незаконного ареста гражданина М. (Балаковский районный суд) по ст. 115 УК РФ[1]. Парадокс ситуации в том, что данная статья вообще не предусматривает наказания в виде лишения свободы, а значит, арест по ней невозможен в принципе. Однако прокурор поддержал это ходатайство, не заметив грубейшего нарушения ст. 108 УПК РФ. Подобное «молчаливое соучастие» надзорного органа превращает судебное заседание в формальность, где судьба человека решается вопреки букве закона из-за халатности прокурора на этапе согласования.

Другой пример – системная слепота прокуроров при продлении сроков содержания под стражей лицам, чье нахождение на свободе не несет никакой общественной опасности. В практике известны случаи, когда прокурор годами последовательно поддерживал в суде ходатайства следователя о продлении ареста по экономическим составам, игнорируя прямой запрет, установленный ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Подобная практика находит свое отражение в конкретных судебных материалах. Так, в апелляционном постановлении по делу № 22к-359/2024[2] суд столкнулся с ситуацией, когда прокуратура сама признавала наличие «волокиты» в ходе расследования, но в судебном заседании продолжала настаивать на продлении срока содержания под стражей. Парадокс заключается в том, что ведомство, наделенное надзорными полномочиями по устранению нарушений закона, по сути, выступает гарантом этих же нарушений в суде. Еще более тревожные примеры демонстрирует Лангепасский городской суд в решении по делу № 2-581/2023: здесь прокурор, выявив «немотивированность» постановления следователя, ограничился лишь формальным дисциплинарным замечанием. В результате к гражданину месяцами незаконно применялась мера пресечения, а исправление ошибки свелось к бюрократической отписке, не восстанавливающей нарушенные права[3].

[1] Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Саратовской области меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести за 2023 год.

[2] Апелляционное постановление № 22К-359/2024 от 7 февраля 2024 г. по делу № 3/2-484/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XSy3uqoH8MVm/ (дата обращения: 07.03.2026).

[3] Решение № 2-581/2023 2-581/2023~М-546/2023 М-546/2023 от 27 сентября 2023 г. по делу № 2-581/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GCdREpz0CX5b/ (дата обращения: 07.03.2026).

Подобное самоустранение надзорной инстанции от детальной оценки материалов приводит к тому, что прокуратура фактически утрачивает свою правозащитную функцию. Приведенные примеры доказывают: отсутствие у прокурора эффективных механизмов превентивного влияния на следствие влечет за собой формальное поддержание ходатайств в суде «по инерции».

В условиях процессуального цейтнота, когда следователь представляет материалы непосредственно перед истечением срока задержания и у прокурора физически нет времени на их полноценную проверку, законным выходом, исключающим необоснованное помещение лица под стражу, является активное использование полномочий, предусмотренных п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ. В такой ситуации прокурор обязан заявить мотивированное ходатайство об отложении судебного заседания и продлении срока задержания подозреваемого на срок до 72 часов для истребования дополнительных доказательств обоснованности ареста. Правоприменительная практика подтверждает использование данного механизма государственным обвинением в условиях дефицита времени на сбор доказательств причастности лица к деянию[1].

Следовательно, сегодня прокурор в процессе избрания меры пресечения зачастую выполняет лишь функцию технического согласования. Эта сугубо формальная роль порождает существенный разрыв между требованиями уголовно-процессуального закона и реальным обеспечением прав личности[2]. Очевидно, что модель надзора, сводящаяся к последующей констатации нарушений, исчерпала себя. Поскольку дисциплинарные меры воздействия на следователей не решают системной проблемы в моменте, необходимо внедрение института «обязательного процессуального фильтра» непосредственно в зале суда. Данный механизм предполагает прямую процессуальную обязанность прокурора мотивированно отказываться от поддержания ходатайства следователя и ориентировать суд на применение альтернативных мер пресечения (домашний арест, запрет определенных действий, залог),

[1] Постановление Хорошевского районного суда г. Москвы от 16 февраля 2026 г. (дело № 3/1-28/26) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://it.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/1ef3f4d0-237b-11f1-af31-b37ac8bb90cf (дата обращения: 24.03.2026).

[2] Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Саратовской области меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести за 2023 год.

если за отведенные законом сроки следствие так и не представило убедительных доказательств невозможности нахождения лица на свободе. Как справедливо отмечают С.П. Щерба и А.В. Попова, дискреционные полномочия прокурора при оценке фактических обстоятельств дела позволяют ему выступать гарантом законности, заявляя в суде об отсутствии оснований для ареста и ходатайствуя об избрании иной меры пресечения[1]. Таким образом, надзорное ведомство сможет превентивно блокировать незаконное ограничение свободы на этапе судебного рассмотрения, не допуская необоснованных арестов.

[1] См.: Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 24.

Сефербеков Мутелим Абдулкадирович
(ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)», к.ю.н. *А.Г. Таилова*

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ И СЛЕДСТВИЯ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Борьба с преступностью в современной России требует консолидации усилий всех правоохранительных органов. Прокуратура РФ, выполняя функции надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, одновременно осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на основании ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»[1].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов взаимодействия между прокуратурой и следственными органами в условиях реформирования правоохранительной системы и изменения процессуального законодательства.

На наш взгляд, основные проблемы взаимодействия органов прокуратуры и следствия можно определить следующим образом:

1. Организационно-правовые проблемы. Неопределенность статуса прокурора в досудебном производстве. После реформы 2007 г. прокурор утратил функции процессуального руководства предварительным следствием, что создало правовую неопределенность в отношениях между прокурором и следователем. Разграничение полномочий между надзорными и процессуальными функциями не всегда очевидно на практике.

Конфликт интересов между надзорной и координационной функциями. Прокурор одновременно координирует деятельность

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

следственных органов и осуществляет надзор за их деятельностью, что может приводить к противоречиям[1].

Институциональная разобщенность следственных органов. Наличие нескольких ведомственных следственных аппаратов затрудняет координацию, особенно при расследовании сложных многоэпизодных дел.

Дублирование полномочий. Отдельные координационные функции дублируются между прокуратурой и Следственным комитетом, что снижает эффективность взаимодействия[2].

2. Процессуальные проблемы. Согласно ст. 38 УПК РФ, следователь вправе обжаловать указания прокурора руководителю следственного органа, что на практике приводит к затягиванию расследования.

Расширение самостоятельности следователя ослабило надзорные полномочия прокурора, что негативно сказывается на качестве следствия.

Отсутствие четкого правового механизма взаимодействия при расследовании сложных преступлений. Конкуренция подследственности. Споры о подследственности между различными следственными органами затягивают процесс расследования.

3. Информационные проблемы. Отсутствие единой информационной системы. Различные правоохранительные органы используют разные информационные системы, что затрудняет оперативный обмен данными.

Недостаточный анализ криминогенной обстановки. Отсутствие комплексного анализа преступности затрудняет планирование координационной деятельности[3]. Проблемы статистической отчетности. Различные методики учета и анализа преступлений создают несопоставимость данных.

4. Кадровые и организационные проблемы. Не все сотрудники прокуратуры и следственных органов обладают достаточными знаниями о современных методах борьбы с преступностью. Высо-

[1] Винокуров А.Ю. Координационная деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью: современное состояние и перспективы развития // Законность. 2022. № 3. С. 12–16.

[2] Ендольцева А.В., Химичева О.В. Прокурорский надзор и координация деятельности правоохранительных органов: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

[3] Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2021. № 4. С. 35–41.

кая нагрузка на следователей и прокуроров. Перегруженность работников снижает качество расследования и надзора. Психологические барьеры между сотрудниками различных ведомств препятствуют эффективному взаимодействию. Высокая текучесть кадров в правоохранительных органах негативно влияет на преемственность и эффективность работы[1].

Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение региональной специфики координационной деятельности, анализ эффективности отдельных форм взаимодействия и разработку системы критериев оценки координационной деятельности.

Только системный подход к решению проблем координации и взаимодействия, основанный на современных правовых, организационных и технологических решениях, позволит существенно повысить эффективность борьбы с преступностью и обеспечить надежную защиту прав и свобод граждан РФ.

[1] Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Буланова Н.В. Прокурорский надзор: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022.

Суетнов Глеб Алексеевич
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н., доцент *Н.В. Спесивов*

ДИСТАНЦИОННЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РИСКИ

Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ[1] дополнил УПК РФ ст. 189.1, согласно которой следователь и дознаватель имеют право проводить допрос, очную ставку и предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи (далее – ВКС)[2].

Потребность в дистанционном производстве следственных действий существовала задолго до появления ст. 189.1 УПК РФ. Попытка законодательного урегулирования предпринималась еще в 2015 г. (законопроект № 764131-6), однако он был отклонен в первом чтении[3].

Важным является сопоставление данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ о применении ВКС в судебных стадиях с фактическим отсутствием статистического учета применения ст. 189.1 УПК РФ на досудебной стадии. В судопроизводстве ВКС используется активно: если в 2017 г. она применялась по 5 732 уголовным делам, то в 2022 г. – по 10 363, а в 2024 г. – уже по 16 200 делам[4]. Однако данная статистика охватывает исключительно су-

[1] Федеральный закон от 30 декабря 2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 70.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 51, ст. 7973.

[3] Законопроект № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6 (дата обращения: 30.03.2026).

[4] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017, 2022, 2024 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 05.04.2026).

дебное разбирательство. Ни Судебный департамент, ни органы предварительного расследования не публикуют данных о количестве дистанционных допросов, очных ставок или опознаний. Само по себе отсутствие статистического учета свидетельствует о том, что норма применяется крайне редко.

Анализ текста ст. 189.1 УПК РФ позволяет выявить ряд дефектов, препятствующих ее эффективному применению. Законодатель ограничился формулировкой «при необходимости», не определив исчерпывающий перечень оснований для дистанционного режима. Для сравнения: ст. 224.1 УПК Республики Беларусь содержит закрытый перечень таких оснований – невозможность прибытия участника по состоянию здоровья, необходимость обеспечения безопасности, несовершеннолетие потерпевшего или свидетеля[1].

Острейшим нормативным дефектом остается порядок удостоверения протокола. Часть 7 ст. 166 УПК РФ требует подписания протокола всеми участниками следственного действия, однако при территориальной разобщенности выполнение данного требования невозможно. Законодатель ввел понятие «подписки», но допрашиваемое лицо фактически не подписывает сам протокол. Как верно указывает А.Н. Савченко, «порядок, при котором протокол следственного действия составляется лицом, ведущим расследование, а участвующие лица вне места производства расследования дают только подписку... вступает в противоречие с общим нормативным правилом». Данное противоречие создает реальную процессуальную уязвимость: сторона защиты может оспорить допустимость доказательства, полученного в дистанционном режиме, именно по мотиву несоблюдения порядка подписания протокола. Считаем, что решение состоит в том, чтобы внедрить электронную подпись. Как утверждает О.В. Овчинникова[2], однако для его реализации необходима защищенная информационная среда, интегрированная с системой ВКС.

Обязательная видеозапись хода дистанционного следственного действия (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ) призвана компенсировать снижение гарантий непосредственности. Однако конструкция нормы

[1] Савченко А.Н. Видео-конференц-связь при производстве следственных действий: о чем умолчал законодатель? // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 145–151.

[2] Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 108–116.

не разграничивает классическую видеофиксацию обстановки и запись потокового видео, передаваемого по каналу связи[1]. Обе формы должны применяться совокупно. Опрос 100 % следователей и дознавателей на момент вступления нормы в силу показал, что они не были готовы к ее применению и ожидали пошаговых инструкций – что лишь подтверждает недостаточность нормативной регламентации.

Ограничение дистанционного режима лишь тремя следственными действиями отражает осторожность законодателя. Постковидный опыт продемонстрировал, что цифровизация проникает в уголовный процесс довольно стремительно. Можно предположить, что в перспективе дистанционный формат будет распространен и на иные следственные действия – например, на ознакомление с заключением эксперта или с материалами уголовного дела, на освидетельствование (при определенных условиях).

Отдельного внимания заслуживает влияние технологий искусственного интеллекта на уголовное судопроизводство. Уже сегодня нейросетевые системы перевода превосходят возможности большинства переводчиков по скорости, точности. Острую проблему нехватки квалифицированных переводчиков с «экзотических» языков может решить ИИ-переводчик. Но важным аспектом будет являться согласие лица, не владеющего языком судопроизводства. Данное решение требует закрепления процессуальных гарантий в законодательстве РФ. Одна из которых – фиксация согласия участника с дальнейшей возможностью привлечения живого переводчика.

В заключение можно сказать, что в ст. 189.1 УПК РФ необходимо внести изменения, связанные с закреплением удостоверения протоколов различными путями, в том числе электронным, и дополнить существующие следственные действия иными, допускающими возможность дистанционного их производства. Благодаря данным изменениям, получится превратить дистанционные следственные действия из номинально закрепленного института в реальный способ гарантирования разумных сроков уголовного судопроизводства.

[1] Власов П.Е. Совершенствование процессуального порядка и тактики проведения следственных действий в дистанционных режимах // Российский следователь. 2024. № 2. С. 25–29.

Яровенко Анжелика Сергеевна
(ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», к.ю.н. *Т.В. Чеботарева*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии с действующей Конституцией РФ «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц»[1]. Одним из ключевых институтов, реализующих данное право в уголовном процессе, является реабилитация, которая представляет собой возмещение не только материального и морального ущерба, но и восстановление трудовых, жилищных, пенсионных и иных прав лица, которые были нарушены в ходе уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном законодательстве РФ закреплено, что «реабилитация – порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда»[2]. Глава 18 УПК РФ закрепляет основания и процессуальный порядок реабилитации; круг лиц, имеющих право на реабилитацию, а также особенности возмещения имущественного и морального вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства.

Немаловажная роль в процессе реабилитации отведена прокурору, поскольку он являет гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина, которые были нарушены ввиду необоснованного вовлечения в производство по уголовному делу. В соответствии со ст. 136 УПК РФ «Прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 51, ст. 7973.

ему вред». Почему именно прокурор осуществляет данное полномочие от лица государства?

Несмотря на то, что институт реабилитации не является новым для российского уголовного процесса, правом на возмещение вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, пользуются единицы. А.А. Орлова указывает, что «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод проявляется в отказе от уголовного преследования невиновных, освобождения их от наказания, а также в реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Однако несмотря на то, что это достаточно большое количество лиц, «процент реабилитируемых остается ничтожно мал»[1]. Среди причин редкого обращения за реабилитацией правоприменители называют: незнание порядка реализации права на реабилитацию; нежелание участвовать в долгом бюрократическом процессе, связанном с необходимостью инициации нового судебного процесса, в котором бремя доказывания будет лежать на реабилитируемом и др.[2]

Также невозможно не согласиться с мнением А.А. Юнусова и Р.В. Гаврилюка, которые в своих научных трудах отмечали, что «прежде всего, в ч. 1 ст. 136 УПК не указано какой именно прокурор и в какие сроки приносит официальные извинения реабилитированному от имени государства. В данной связи непосредственно в нормах УПК РФ необходимо определить должностное лицо прокуратуры, обязанное принести реабилитированному названное извинение, определив при этом сроки и форму его принесения»[3]. Если мы обратимся к Указанию Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 267/12[4] (далее – Указание), то в п. 3 закреплено, что срок принесения извинений строго регламентирован- «в возможно ко-

[1] Орлова А.А. О юридической природе института реабилитации // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 133–135.

[2] Как реализовать право на реабилитацию и получить компенсацию морального вреда? // Интернет-портал адвокатского бюро «Антонов и партнеры» URL: https://pravo163.ru/kak-realizovat-pravo-na-reabilitaciyu-i-poluchit-kompensaciyu-moralnogo-vreda/ (дата обращения: 24.03.2026).

[3] Юнусов А.А., Гаврилюк Р.В. Процессуальный порядок и практика компенсации морального вреда в порядке института реабилитации // Политика, государство и право. 2014. № 5. URL: https://politika.snauka.ru/2014/05/1670 (дата обращения: 28.03.2026).

[4] Указание Генпрокуратуры России от 3 июля 2013 г. № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

роткий срок, но не позднее одного месяца», на практике он не нередко нарушается. Например, в деле Валерия Бриниха Майкопский городской суд вынес частное постановление в адрес республиканского прокурора, указав на нарушение прокурором Майкопа положений ч. 1 ст. 136 УПК РФ в части несоблюдения разумных сроков принесения извинения[1]. В Указании закреплено: «официальное извинение приносить в письменной форме», – но на практике все понимают данную норму по-разному: прокурорский работник «официальные извинения отправил простой почтой»[2], текст извинения зачитывался прокурором в заседании и вручался реабилитированному лично[3] и т.д.

Анализ реабилитации как комплексного правового института позволяет сделать вывод, что для граждан данный процесс в большинстве случаев связан с необходимостью восстановления не только имущественных прав, но и нематериальных благ – чести, достоинства и доброго имени. В таких случаях официальное извинение прокурора выступает не просто формальной процедурой, а важным этапом психологической и социальной реабилитации лица, пострадавшего от уголовного преследования. Кроме того, прокурор может оказывать реабилитированному активное содействие в восстановлении его прав, путем поддержки исковых требований о возмещении морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Такой подход способствует полноценной реабилитации гражданина в общество и восстановлению его правового статуса после пережитых процессуальных ограничений.

Однако проведенный анализ нормативных источников и случаев из практики показывает наличие разрозненного подхода к действиям прокурора при реализации им своих полномочий в данной области. На наш взгляд, различное толкование форм принесения официальных извинений прокурором от имени государства свидетельствует о необходимости унификации данной процедуры в нормах УПК РФ с целью их единообразного повсеместного применения. Считаем необходимым внести в уголовно-процессуальный закон поправки, направленные на конкретизацию процессуальных обязанностей прокурора при реабилитации. Полагаем, что такие изменения поспособствуют укреплению правозащитной функции прокурора в уголовном судопроизводстве.

[1] Рогоцкая С. Прокурора наказали за несвоевременное извинение. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prokurora-nakazali-za-nesvoevremennoe-izvinenie/ (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Курманов М.М. Конституционное право на принесение официального извинения прокурором: законодательство и практика // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-prinesenie-ofitsialnogo-izvineniya-prokurorom-zakonodatelstvo-i-praktika (дата обращения: 28.03.2026).

[3] Вихлянов Р.И. Официальное извинение прокурора наследникам умершего: процедура и репутационное значение. URL: https://zakon.ru/blog/2026/1/25/oficialnoe_izvinenie_prokurora_naslednikam_umershego_procedura_i_reputacionnoe_znachenie (дата обращения: 28.03.2026).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных трудов по итогам
XX Всероссийской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов, посвященной
95-летию Саратовской государственной юридической академии
и 30-летию Института прокуратуры
(г. Саратов, 21–22 апреля 2026 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – *С.А. Епифанова*

Подписано к использованию ??.??.2026.
Объем издания – ??? Мб.
Комплектация издания – 1 CD-ROM.
Тираж – 10 CD-ROM.

Издательство Саратовской государственной юридической академии
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
http://сгюа.рф
E-mail: izdat105@ssla.ru
Тел.: (8452) 29-90-77

ISBN 978-5-7924-2316-9